

ТЕНЬ АНГЕЛА

Павел
КОМАРНИЦКИЙ

Хозяин
Вселенной

День ангела

Павел Комарницкий
Хозяин Вселенной

«ЭКСМО»

2013

Комарницкий П. С.

Хозяин Вселенной / П. С. Комарницкий — «Эксмо»,
2013 — (День ангела)

ISBN 978-5-699-65130-6

Даже ангелу нужна жена, дочь, тихое семейное счастье... Иначе зачем нужен Рай? Будь его воля, Рома Беясов никогда бы не расставался с семьей. Но, помимо счастья, существует долг. И этот долг отрывает Рому от любимых ангелочков, бросая его в мир, скорее напоминающий Ад. Придется стараться изо всех человеческих и ангельских сил, чтобы вернуться к семье... И чтобы Рай не стал Адом...

ISBN 978-5-699-65130-6

© Комарницкий П. С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1. Скрытая угроза	6
Глава 2. Первый подход	14
Глава 3. Уравнение с неизвестными	22
Глава 4. Нулевой уровень	27
Глава 5. Бережёного Бог бережёт	35
Глава 6. Порог вмешательства	43
Глава 7. Опрокинутая чаша	50
Глава 8. Практическое бессмертие	56
Глава 9. Вариант «Каннибал»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Павел Комарницкий

Хозяин Вселенной

©Комарницкий П., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Скрытая угроза

– ...Папа-мама, а эти давать?

Маленькая Мауна протягивает на ладошке три розовых комочка, чем-то напоминающих пресловутый земной «Вискас», сухой кошачий корм. Другая ладошка дочери в это время выполняет функцию кормушки для Нечаянной Радости – зверушка даже придерживает её лапкой, дабы источник питания не вздумал преждевременно ускользнуть.

– Давать-давать, – за меня отвечает Ирочка, разрезая на кусочки тёмно-зелёный шипастый фрукт... всё время забываю название...

– Некусай, Рома, он называется некусай, – уловив мою мысль, отвечает Ирочка. – Вообще-то пора бы уже и запомнить, муж мой. Каждый день летаешь, собираешь...

– Да тут столько всяких некусаев растёт... – пытаюсь я оправдаться.

– И жалкий лепет оправдания, – уже по-русски говорит жена, вручая мне один из кусочков, аккуратно держа за шип. – А почему некусай, помнишь?

– Папа-мама, и эти давать? – вновь спрашивает дочура, протягивая на ладошке новые комочки, на сей раз коричневые.

– Все давать!

Нечаянная Радость, урча, поедает на десерт витамины и прочие хитроумные препараты, назначение которых – обеспечить зверюхе бодрость и здоровье на протяжении многих десятилетий. Разумеется, маленькая зверушка не в состоянии жить столетиями, как её хозяйка, но мы стараемся максимально продлить жизнь нашей любимицы.

Сегодня выходные у меня и супруги совпали, и по случаю столь радостного события всё наше семейство ужинает на веранде, ограждённой страховочной сеткой, по которой любой ангел безошибочно определит – в этом доме имеется маленький, нелетающий ребёнок.

– Уммм... – я вонзаю зубы в вязкую, липкую мякоть, и только тут вспоминаю, почему плод этот называют «некусаем». В глазах моей ненаглядной прыгают насмешливые искорки, и я улавливаю мелькнувший мыслеобраз – лежащие зубьями вверх грабли с длинным крепким черенком... Действительно, пора бы уже и запомнить: мякоть некусая ещё более липкая, чем земной рахат-лукум. Его следует просто обсасывать, держа за шип, и тогда мякоть сама медленно тает во рту, оставляя на языке неповторимый остро-сладкий вкус, отдалённо напоминающий земную кока-колу.

– Мама-папа, она всё съела! – сообщает нам дочура, отряхивая ладошку. Нечаянная Радость, облизываясь, наконец отпускает руку дающую, и Мауна немедленно заключает животное в объятия, как плюшевого медведя. Зверушка сопит, но вырываться пока не пытается – во-первых, дочура заметно окрепла, и вырваться из её цепких рученок не так-то просто, а во-вторых, не так это и страшно, поскольку выдирать перья из крыльев летучей сони малышка перестала. В последнее время отношения между Нечаянной Радостью и Мауной-младшей определённо наладились, потому как в отличие от взрослых дочура располагает практически неограниченным запасом времени для всевозможных подвижных игр, вполне доступных пониманию домашней зверушки.

– А я хочу Великую звезду! – внезапно заявляет дочь, глядя зверушку.

– О! – жена округляет глаза. – Придётся тебе потерпеть, не сезон.

– Плохо, – вздыхает Мауна, и в тоне её слышится явное осуждение неспособности мамы-папы решить проблему. – Я бы посмотрела. Красиво.

– Да я бы и сама полюбовалась, – согласно вздыхает Ирочка.

– И я тоже... – я наконец-то справляюсь со своим некусаем. В этот момент Нечаянная Радость, улучив момент, вырывается и вспархивает на настенную икебану. В конце концов, после ужина нужен покой, дабы правильно переварить его.

– Папа, а у меня крылья опять выросли!

Мауна поворачивается к нам спиной и разворачивает свои трогательно-розовые детские культипки. Я без труда улавливаю нехитрые детские мысли и эмоции – дочуре хочется, чтобы папа погладил и похвалил её крылышки... и по спине погладил... и ещё чешется немножко в основании левого крыла...

– Ого, какие вымахали! – восхищённо говорю я, стараясь оправдать невысказанные ожидания дочери. Осторожно глажу нежную кожу, без единого пупырышка, под которой угадываются хрупкие косточки маховых пальцев. Да, действительно подросли крылышки... Пройдёт совсем немного времени, и кожа эта потеряет свою гладкость – полезут из неё острые иглы, разворачиваясь в роскошные маховые перья, и эти трогательные культипки обретут упругую прочность и мощь...

– Тут чешется? – я старательно чешу в подкрыльевых ямках, очень схожих с маленькими вторыми подмышками.

– Да! И везде! – дочура подставляет себя ласковым папиным рукам. Я глажу её, ласкаю. Нет слов, как мне хорошо. Нет слов, как нам троим хорошо. Счастье... Вот оно какое, счастье...

– Теперь маму! – великодушно заявляет Мауна, насытившись наконец папиными ласками. – Ей тоже хочется!

Я поперхнулся, закашлялся. Вообще-то пора бы уже и привыкнуть – ребёнок растёт, уловить открытые мысли и желания на таком расстоянии для нашей дочери теперь как нечего делать...

– Спасибо, доча, – в глазах жены пляшет смех. – Ты очень добра и деликатна.

– И ещё я красивая! – дополняет список собственных достоинств дочура. – Правда, папа?

– Ну безусловно! – отвечаю я, для пущей искренности округлив глаза.

– Чай пить никто больше не желает? – спрашивает Ирочка, и, не дождавшись ответа, щёлкает пальцами. – Домовой, явись!

– Я пойду в ту комнату и буду смотреть сказку про Розовые пёрышки, пока вы тут занимаетесь своим сексом, – выдаёт дочь, вставая из-за стола. Я медленно хлопаю глазами. Да, тут уже деликатность – не то слово...

– Мауна, не всё, что думаешь, следует говорить вслух, – кажется, теперь и Ирочка озадачена всерьёз размерами детской деликатности.

– Но ведь ты всё равно поймёшь мои мысли, мама, – невинный взгляд девочки не оставляет места подозрениям насчёт злого умысла и без всякой телепатии. – И даже бабушка с дедушкой делают это, и не стесняются. И дядя Фью с тётей Лоа, и тётя Иуна с дядей Кеа, и все-все-все! Когда я вырасту, выйду замуж и тоже буду!

Закончив изложение своего видения вопроса, дочура покидает нас, оставляя осмысливать сказанное. Я перевожу взгляд на жену.

«Всё, Рома? – в её глазницах бесится, пляшет смех. – «Добро» получено, и вообще, указания контролёра ситуации положено исполнять немедленно и беспрекословно».

И мы разом валимся друг на друга от хохота.

Тихо, как тихо в доме... Разумеется, ангелы не люди, и не бывает здесь полуночных пьяных гулянок с топотом и уханьем, с порванными от усердия гармониями и переломанной мебелью. Однако бывают такие минуты, как сегодня, когда мне невольно кажется – звуковая защита, установленная для оберегания покоя жильцов, работает чересчур усердно. Создавая впечатление, что во всём этом огромном мире есть только трое живых – я, моя Ирочка и наша дочь, не считая разве что толстой крылатой сони...

Ирочка, почмокав, прижимается ко мне крепче, сильнее раскрывая крыло. Извечный жест любой любящей женщины – обнять, обволочь своего мужчину, укрыть его... Так делают все женщины во всех покуда известных мне мирах, и Рай не исключение.

Тускло светится пепельным ночным светом потолок. Вероятно, будь я человеком, я бы даже не смог различить сейчас цвета – только-только света хватало бы, чтобы не наткнуться на стены... Однако мои ангельские глаза без особого напряжения различают радужный отлив крупных белых перьев на крыле жены и мелкий пушок, сменяющий перья ближе к основанию крыла... А у самой спины остаётся только голая, гладкая кожа, и я даже вижу подкрыльевую ямку, так похожую на детскую подмышку без единого волоска... Я очень много стал видеть. Возможно, местами слишком много.

Не удержавшись, я осторожно глажу жену – очень осторожно, чтобы не разбудить. Ирочка снова чмокает губами, вздыхает во сне, прижимаясь всем телом, закидывает на меня ногу. Под тонкой, нежной кожей переливаются мускулы, и даже ночная их расслабленность не даёт повода сомневаться – вот эти длинные ноги, мечта любой балерины, вполне способны подбросить тоненькое упругое тело на два метра вверх, обеспечивая уверенный взлёт с места... А эти пальчики, обманчиво хрупкие, без особого труда могут колоть грецкие орехи. Чудо моё, невероятное чудо... Привыкну ли я к нему когда-нибудь?

И сам я такой же. Собственно говоря, ничего не осталось от того громоздкого тела бескрылого аборигена одной полудикой планеты. Это нелетающие существа могут позволить себе роскошь таскать кучу рыхлого мяса и тяжелых костей. У летучих эволюция таких особей отсекает на дальних подходах.

Да, ничего не осталось от того тела, принадлежавшего Роману Беясову. Как ничего не останется от этого, если удастся мой замысел.

И этого чуда, чмокающего во сне, рядом не будет. Как там говорил дед Иваныч – зоофилия? Нет, тут уже некрофилия, пожалуй. Потому как все Истинно Разумные по сути биороботы, выращенные в недрах их жутких родильных заводов. Да, ведь они же и неспособны ни к чему этакому! Врождённая, полная и окончательная импотенция...

Кстати, насчёт биоморфии – сколько раз можно перекраивать весь геном? Моя Ирочка прошла перестройку дважды, но ведь она ангел по рождению. Вся здешняя биоморфия как наука построена под ангелов, и это естественно: биоморфы из людей изготавливаются штучно.

В памяти вновь всплыло: мама Маша глядит мне в глаза, напряжённо и внимательно.

«Это дорога в один конец. **Ты больше не будешь человеком никогда.** Ты понял?»

Холодок пробегает вдоль спины. А если и следующая дорога тоже без возврата? Остаться «зелёным» навсегда... нет, только не это! Да, это проблема...

Впрочем, до этого ещё надо дойти. Недаром папа Уэф и мама Маша в едином порыве встали на колени перед своим зятком, осознав, планов каких громадьё осенило недавнего балбеса. Уж им ли не понять, при их-то опыте работы в миссионерах...

Кстати, насчёт балбеса – не стоит так уж решительно отмежевываться от своего тёмного прошлого. Вполне возможно, очень скоро мне докажут, что как был я балбесом, так им и остался. Что голова моя, при всей ценности, всё-таки больше подходит для регулировки центра тяжести тела – не считая, разумеется, того, что я в неё ем. Что замысел мой есть бред, попытка воскресить древнее кладбище. Докажут графиками, диаграммами, формулами. Действительно, сколько их там, покуда живых? На триста миллиардов ходячих мертвяков...

Однако надо спать. Насколько помнится, я пока что работаю в службе внешней безопасности, и текущих дел никто не отменял. Конечно, теперь уже отношение ко мне другое, поскольку я как-никак Всевидящий. Поважает меня Биан, как здесь принято говорить, «носится, как бабушка с первой внучкой». Впрочем, Аина, давно и прочно усвоившая язык моей далёкой Родины, а заодно и тамошнюю народную мудрость, выражается чётче: «как дурень с писаной торбой». При этом в сопутствующем мыслеобразе я обычно предстаю с затейливым узором по всему телу и снабжён длинными лямками для удобства переноски.

Мягкая лента мыслесъёмника на голове уже почти не ощущается, настолько я к ней привык. Под закрытыми веками танцуют свой бесконечный танец размытые цветные пятна. Привет, ребята, я вас ждал... Уж вы постарайтесь, покажите мне то, что нужно...

Взрыв! Огромная голубая чаша до горизонта...

Взрыв! Круглится бок планеты...

Взрыв! Ласково греет светило...

Взрыв! И мириады звёзд светят мне в лицо...

Гул турбин почти не слышен за шумом и посвистом ветра, только мелкая дрожь под ногами выдаёт чудовищную мощь, таящуюся в недрах корабля. Нос судна режет волны, и крейсер неудержимо приближается к тёмной полоске земли, маячащей на горизонте. Край солнечного диска быстро погружается за тот горизонт. Вот от него осталась полоска... Последний луч... Всё! Что ни говори, а закат – это волнует. Красиво, и настраивает на философский лад.

«Когда ты видишь солнце, уходящее от тебя, попрощайся с ним. Ибо никому не дано знать, увидит ли он восход...»

Я нервно потряхнул головой. Дурные мысли надо гнать немедленно, ибо говорят многие мудрецы, что мысль материальна. Разумеется, это суеверие, но...

Багровый закат, уже разлившийся на полнеба, предвещал на завтра плохую погоду. Впрочем, для этих мест плохая погода правило, и удивляться тут нечему.

Нет, дело не в погоде. Вот почему на это дело отправили ударный крейсер, вот это удивительно. Неужто этот хвост столь ценен, что ради него адмиралы готовы рисковать одним из лучших кораблей флота? Ведь это же ударный крейсер, линейный...

Я нервно оскалил зубы, хлестнул хвостом по палубе. Похоже, переутомление даёт-таки себя знать. Какой «линейный»? При чём тут линейный? Всю жизнь «Белый клык» был ударным крейсером, и ничем больше. Вообще дико звучит: «линейный крейсер». Похоже, я медленно начинаю сходить с ума. Такое ощущение, будто в черепную коробку без спроса вошёл некто, уселся на корточки и сидит... Как всё закончится, надо будет показаться врачу, вот что. А ещё вернее, хорошенько встряхнуться... Я развернулся и широкими шагами направился к рубке, гордо неся хвост трубой – не пристало капитану ходить с опущенным хвостом.

В боевой рубке крейсера было тесно, зелёным светом мерцали экраны. Я вглядывался в изломанную береговую линию. Да, если исходить из цели нынешнего похода, нельзя не признать – место выбрано удачно. В здешние шхеры достаточно просочиться, и прощай, мой хвост. И время подхода выбрано как нельзя лучше. Я ухмыльнулся, оскалив острые клыки. У парня будет целая ночь, да и у нас тоже. Насколько известно, радиолокаторов на вражеских броненосцах береговой обороны нет, так что ночью они слепы, как лаш-лаши. Да и вообще этим утюгам не следует поодиночке попадаться на дороге у «Белого клыка». Никакая броня не поможет против двенадцати дальнобойных орудий. Так что, пожалуй, в адмиралтействе правильно рассудили – чем пробираться на какой-нибудь утлой байде, уповая на незаметность и дрожжа при появлении на горизонте любого дымка, не лучше ли пройти открыто и прямо? Двенадцать стволов «Белого клыка» надёжнее любых документов, и вряд ли сторожевики береговой охраны смогут чем-нибудь возразить. Конечно, есть ещё броненосцы, и всей эскадрой они бы сумели отстоять неприкосновенность священных морских рубежей... как там дальше... неважно. Важно то, что к утру все мы будем в разных местах – этот парень на берегу, в какой-нибудь уютной и неприметной хатке, плавающие утюги на страже священных рубежей, а «Белый клык» на пути домой.

Экраны внезапно запестрели рябью помех.

– Капитан, никак это радар! – обернулся ко мне оператор радара. Морда точь-в-точь у павиана... Нет, я определённо схожу с ума. Какого «павиана»? Откуда это слово вообще?!

– Господин капитан, олух бесхвостый! – рыкнул я на полуитатского умника, забывшего своё место.

– Так точно, господин капитан!

– Где источник?

– Сейчас... один донг, господин капитан... Вот!

Я снова оскалил клыки. Всё ясно. Ну а чего я ожидал? Техника не стоит на месте. Нет ничего удивительного в том, что на береговой батарее поставили радар. Да, дело осложняется...

– Время подхода? – отрывисто бросил я, разглядывая карту, на которой положение батареи было отмечено красным презубцем с парой тонких линий, неприлично широко раздвинутых – сектор обстрела батареи.

– Время подхода до точки сорок семь донгов! – отрапортовал штурман. Почти полчаса, отметил я про себя... Всё, хватит! Каких «полчаса»?! Если и сходить с ума, то только не сейчас!

– Право руля четыре грана! И приведите господина Крака! – отрывисто приказал я. И снова откуда-то сбоку выплыло: не «грانا», а «градуса», и «градусов» этих в круге триста шестьдесят, а не сотня, как положено гранам... Да что же это такое?!

Экран всё пестрел помехами – видимо, радар противника имел близкую частоту. Видят ли они помехи от нашего радара? Или у них вообще стоит индикатор облучения? Тогда дело может осложниться весьма и весьма...

В рубку, между тем, ввалился агент, которого уже успели прозвать Хвостом. Действительно, подумал я, с таким пушистым хвостом и вообще внешними данными у парня не должно быть недостатка в женищинах.

– Время подхода? – вновь осведомился я.

– Тридцать пять донгов!

– Хорошо! – я обернулся к агенту всем телом. – Итак, господин Крак, мы подходим к цели нашего путешествия. У тебя есть тридцать донгов, после чего ты должен быть в шлюпке.

– Да, господин капитан! – оскалился господин Крак. Да, клыки у парня тоже что надо... А насчёт не слишком звучного имени, так это поправимо – готов отдать полхвоста, что парень перестанет быть Краком сразу после того, как шлюпку спустят за борт...

– Капитан, нас встречают, – старпом обернулся ко мне со своего места.

Действительно, по призрачной зелени от берега ползло яркое пятнышко, нацеливаясь в самый центр экрана. Я встретился взглядом со старпомом, и мы разом оскалили клыки.

Всё было ясно. Радары у противника так себе, и оператор не смог определить истинные размеры цели. Приняли нас за контрабандистов, похоже, и передали сообщение бравым пограницам. И вот сторожевик, мирно отдыхавший в одной из здешних бесчисленных ихер, вышел на перехват нарушителя, явно забирая мористее, дабы отсечь пути к бегству. Обнаружили ли они наш радар по излучению? Кто знает... Вероятно, нет, иначе не шли бы навстречу так уверенно – контрабандисты откуда не имеют на борту радаров.

Ну что же, ребят ждёт большой сюрприз.

– Башенные и правый борт к бою! Светомаскировку соблюдать до последнего! Время подхода до точки?

– Двадцать восемь!

Хорошо, хорошо, думал я, разглядывая зелёный светлячок, быстро и уверенно ползущий навстречу своей гибели. Сторожевик шел, очевидно, сверяя курс по показаниям берегового радара. Шёл с погашенными ходовыми огнями, по всей видимости, рассчитывая выскочить у нарушителя перед носом, ослепить прожектором... Фактор внезапности. Будет, будет вам фактор внезапности, ребята...

– Грогл, смотри! – старпом хищно наклонился к экрану. Он очень редко звал своего капитана по имени. И только в момент серьёзной опасности.

Одного взгляда на призрачно мерцающий экран хватило, чтобы понять – поименование капитана имеет под собой реальную основу.

– Отсохни хвост! Чего им не спится?!

Разрешение нашего радара было вполне достаточным, чтобы не питать никаких иллюзий – это уже не сторожевики. Жирные яркие пятна вытолзали из-за края экрана, я считал их, оскалив клыки. Один... два... три... четыре... пять. Вся броненосная эскадра.

– Спокойно! – услышал я себя будто со стороны. – Идём прежним курсом. Комендорам – потопить сторожевик с одного залпа, чтобы не успели сообщить. Прожектора и огонь только по команде!

– Грогл, мне это не нравится! – хвост старпома подметал пол не хуже метлы. – Ты уверен, что нас не ждали?

– Уверенным можно быть только в одном – личном депозите в Центральном банке! – рыкнул я. – Время до точки?

– Двадцать донгов!

– Приготовиться!

В смотровые щели, прорезанные в толще броневоего стакана рубки, внезапно вместе с ветром полетели брызги дождя. Дождь, это хорошо... В дождь враг слеп совершенно, а мы зрячие, у нас радар...

Не будь дураком, осадил я себя. Берегового радара вполне достаточно, чтобы корректировать огонь всей эскадры. А вот удастся ли потопить сторожевик с одного залпа в ночной непогоде?

– Я готов, господин капитан! – передо мной возник агент, затянутый в чёрный блестящий гидрокостюм. Странно, но при виде чёрной блестящей колбасы вместо роскошного пушистого хвоста мне стало легче.

– Господин Крак, тебе следует поторопиться.

– В смысле?

– В самом прямом. Высадка произойдёт значительно дальше от берега, чем первоначально предполагалось.

– Это невозможно, – агент обнажил кончики клыков.

– Здесь я решаю, что возможно, а что нет! – я обнажил клыки на всю длину. – Чтобы у тебя не сложилось превратного впечатления, господин Крак, взгляни на экран. Видишь вот это? Это сторожевик, который встретит нас через три... теперь уже два донга.

– Сторожевик есть проблема для ударного крейсера?

– Проблема вот, – я указал на жирные зелёные пятна. – Это броненосцы, господин Крак. Они идут мористее, и я не собираюсь лезть в эту западню.

– Ты должен высадить меня в указанной точке, господин капитан, – агент тоже обнажил клыки на всю длину. – Более того, после высадки пройти вдоль берега, чтобы сбить со следа...

– Всё, я сказал! Свободен!

Я обернулся к экрану. Зелёный светлячок подобрался к самому центру, и если не мы, то он вот-вот зажжёт прожектор.

– Свет!

Вспыхнувшие прожектора разорвали непроглядный мрак дождливой ночи, и среди горбящихся волн возник размытый силуэт сторожевого корабля.

– Огонь!

Залп орудий словно обрушил небо. Казалось, ничто не может уцелеть после такого удара, но после того, как осели водяные столбы разрывов, обнаружился всё тот же размытый силуэт – кораблик резво разворачивался, стремясь укрыться в пелене дождя.

– Олухи бесхвостые! – рявкнул я. – Огонь по готовности!

Но рявкнуть «огонь» одно, исполнить же команду – совершенно другое. На перезарядку главного калибра уходит полдонга. Собственно, теперь уже неважно, отправится ли везучий сторожевик на дно сейчас или окажется настолько везуч, что доживёт до третьего залпа. Нет сомнения, в эти мгновения радист уже сообщает, какого рода нарушитель священных рубежей пожаловал в эти дикие края. Скверно, очень скверно...

Орудия наконец-то вновь выпыхнули пламя, и на этот раз удача отвернулась от везучего сторожевика – в ночи вспыхнул и замерцал маслянисто-оранжевый свет, впрочем, быстро погасивший. Всё понятно, должно быть, после попадания снаряда главного калибра «Белого клыка» сторожевик разорвало и вывернуло наизнанку...

– Время до точки!

– Двенадцать донгов!

Старпом вновь развернулся.

– Капитан, давай высадим его, как условлено! Тут всего ничего осталось!

Я заколебался было – действительно, что такое двенадцать донгов на полном ходу?

А парню пилить на углу челноке с аккумулятором и слабосильным электромотором...

И в этот момент неподалёку ахнул первый разрыв.

– Агента в шлюпку! Машинам полный назад!

Меня бросило грудью на край пюльта – корабль будто осел в воду, тормозя полным назад.

Гулко ахнул невдалеке второй разрыв и чуть погодя третий, ещё ближе.

– Грог, откуда бьют? – шерсть на старпومه стояла дыбом.

– Спокойно, Бргарр... Это ничего... Это береговая батарея...

– Мы вне зоны досягаемости! Когда они успели поменять орудия?!

Грохнуло совсем рядом. Я вновь оскалился.

– Всё просто, Бргарр. Орудия прежние. Они только увеличили угол возвышения.

– Отсохни хвост!

– Шлюпка спущена! – донёсся металлический голос из рупора.

– Полный вперёд!

Винты, бесцельно молотившие воду с нулевым шагом, вновь потянули корабль вперёд, и «Белый клык» начал стремительно набирать ход. Снова грохнул недалёт, за ним перелёт. Спокойно, главное, спокойно... Радар у них никудышний, совсем плохой радар, раз не смогли отличить ударный крейсер от контрабандиста... Не попадут, зря снаряды тратят...

Корпус сотрясся от страшного удара. Взыла и тут же заглохла сирена.

– Попадание в машинном! Бронепояс пробит!

– Повреждения?! – рявкнул я.

– Четвёртая турбина встала... смещение... Третья встала... повреждение редуктора... – посыпались доклады.

Снова грохнул близкий разрыв, но это уже не имело особого значения. В поведении пятен на экране радара наметились явные перемены – шедшие вроде бы по своим делам броненосцы изменили курс и прибавили ход. Пять утюгов, двадцать стволов. Плюс батарея, ещё шесть стволов в двух трёхорудийных баинях. Нет, не ещё, а главные шесть. Вести дуэль с береговой батареей, корректируя стрельбу по радару, бессмысленно. Во всяком случае, это задача не для одного покалеченного крейсера, даже ударного.

И вне всякого сомнения, уйти от эскадры на двух уцелевших турбинах, к тому же по одному борту, не удастся.

Взрыв в голове!

Я поднимаю веки медленно, будто шкафы отодвигаю – так тяжелы. Размытые цветные пятна с явной неохотой уступают место реальности, и сквозь тающую зелень проступает лицо моей жены.

– Ну, Рома... – она смотрит на меня во все глаза. – Ну, я просто даже не знаю...

Я хватаю её руку, сжимаю до хруста пальцев. Как утопающий хватается за брошенную верёвку. Как будто, если я отпущу её, меня безвозвратно унесёт в бездну. Ирочка морщится, но терпит.

– Видела?

– Всё, от начала до конца, – кивает она. – Я никогда не слыхала о таком мире. Конечно, нужно будет показать твоим, запустить поиск, но... Могу предположить, Рома, что об этом мире не слышали даже сэнсэи.

Она смотрит на меня своими огромными глазищами.

– Куда же тебя занесло, Рома? И куда-то ещё занесёт?

Глава 2. Первый подход

Биан смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

– Странно... Вроде ты совсем неплохо летаешь теперь, не то что вначале...

– А при чём тут? – округляю я глаза.

– Тогда непонятно, где ты ухитрился так крепко удариться головой. Ну согласись, ничем иным твою идею объяснить невозможно.

Сотрудники нашей группы подтягиваются ближе, только Аина не покидает своего излюбленного коврика за ширмой с цветами. Впрочем, я улавливаю – она тоже бросила работу и с интересом следит за беседой. Ещё бы!

– Биан, я не шучу и головой не ударялся, – не принимаю я тона. – Я долго думал...

– ...и наконец придумал, – заканчивает за меня шеф. – Вообще-то бремя доказательств должно лежать на тебе, но ради тебя я готов сделать исключение и разобрать этот бред по частям.

Биан усаживается поудобнее, привычно тянет мочку уха.

– Начнём с простого вопроса – отчего ты решил, что **им это надо**?

Я медленно киваю.

– Вопрос понят. Ну что же, любой сумасшедший уверен, что мыслит правильно. Значит ли это, что сумасшедшего не нужно лечить?

– Нет, не так. Сумасшедшим может быть индивидуум, но никак не всё общество. Нет никаких оснований считать их сумасшедшими – они мыслят вполне логично и чётко, хотя видят мир совершенно иначе, чем ангелы или сэнсэи. С таким же успехом можно считать сумасшедшими нас – ведь наш образ мыслей им чужд и непонятен.

– Кстати, они и считают нас сумасшедшими в глубине души, – вставляет слово Уот.

– Во-первых, не считают, а во-вторых, это их проблемы, – возражает Биан. – Но мы сейчас не об этом. Всякая операция имеет цель. Реальную цель, Рома. Цель, выдвинутую тобой, можно смело назвать химерической.

– Не согласен! – я упрямо тряхнул головой. – Самоубийц спасают даже вопреки их желанию!

– С чего ты взял? – округляет глаза шеф. – Разумное существо имеет право призывать свою смерть, и только самые близкие родственники могут вмешиваться. Связанные узами и имеющие право на данного разумного, поскольку он стал их частью. И никто больше.

Я прикусил губу. Действительно, ангельские взгляды на жизнь и смерть сильно отличаются от человеческих, и мне это уже давно и хорошо известно. Не стоит так подставляться.

– Хорошо, пусть так. Но они не хотят умирать, Биан. Они хотят жить, – неожиданно приходит мне на подмогу Иол. – Однако их не спрашивают. За них решает Повелитель.

– Хорошо, Летящий под дождём, – помолчав, соглашается Биан. – Да, это довод.

Я улыбаюсь. Вот за что я люблю своего шефа, так это за справедливость. Никогда не упирается рогом, если не прав.

– Ладно, первый пункт закрыли, – Биан снова теребит ухо. – Хотя убедить меня – это одно, а Верховный Совет – совсем другое... Тогда следующий вопрос – на кого там можно опереться?

Я снова благодарно улыбаюсь. Что значит многолетняя служба в органах... Сам не замечая, шеф конкретизировал вопрос. Ангел со стороны задал бы его примерно так: «как ты себе всё это представляешь?»

– На тех, кого я видел. На таких, как они.

– Вот как? – Биан выгибает тонкую бровь. – И сколько их там? Каков процент относительно живых на кладбище?

Я молчу. Да, это вопрос. Действительно, сколько? И насколько живых?

– Вот именно, – шефу отлично видны все мои мысли. – До сих пор ты видел двоих. Один из них давно усопший поэт, он же обходчик побережья – кстати, до сих пор восхищаюсь, классно ты тогда сработал... Второй – ныне живущий художник, он же обходчик подземных коммуникаций. Если ещё жив, конечно. Из сих двух видений ты заключил, что на Оплоте Истинного Разума полно творческих личностей, гениев и т. д., над которыми довлеет жалкая кучка злобных олигархов, Носящих Имя, с носителем Зла в галактическом масштабе, Повелителем Вселенной во главе. А может, всё наоборот?

Биан смотрит мне прямо в глаза.

– Одно-два дерева посреди пустыни – это не лес, Рома. И никогда не станут лесом. Аина! Аина, ты спишь?

«Я не сплю. Я думаю. О чем, можешь прочесть сам, не маленький».

– А ты вслух. И подойди сюда, пожалуйста, а то твой светлый облик теряется в гуще твоих замечательных цветов.

Аина дисциплинированно покидает своё излюбленное место, подходит к нам и усаживается по-турецки, замыкая как-то сам собой образовавшийся тесный круг. На душе у меня тепло – вот они, мои товарищи... Бросили работу ради моей идеи...

– Можно и вслух, – Аина смотрит задумчиво. – Сперва я скажу, в чём не прав ты, Биан. Идея Ромы не бред. Она вполне может сработать. Когда до всех – я подчёркиваю, **до всех** Истинно Разумных дойдёт, какой смысл имеет их «величайшая стройка»... не думаю, что защита любого дворца Повелителя устоит даже против одного корабля их Звёздного Флота.

Она переводит взгляд на меня.

– А теперь я скажу, в чём не прав ты, Рома. Я помню твою первоначальную, трогательно-наивную мечту – менять Повелителей очень часто, покуда они все не кончатся. Потом ты немного поумнел и понял, что запасы Повелителей на Оплоте Истинного Разума исчисляются миллиардами. Так вот – используя ту информацию, что у тебя есть, при желании действительно можно не только уничтожить теперешнего Повелителя, но и вообще обрушить пирамиду.

Глаза Аины мерцают.

– Только это не будет спасением пропадающего мира, Рома. Это будет началом конца, и притом скорого. Поверь, я не просто так болтаю – вопрос уже просчитывался в аналитической группе, я могу скинуть тебе нужные файлы. Мы живём долго, и ты, без сомнения, сможешь увидеть конечный итог своего грандиозного замысла. И когда ветер будет пересыпать мёртвые пески над голыми каркасами бывших теплиц и руинами мегаполисов, ты вспомнишь истинный смысл старинной человеческой поговорки – куда именно ведут дороги, вымощенные благими намерениями.

Я убито молчу. Аина, чувствуя моё состояние, протягивает руку и легонько гладит меня по плечу.

– Ты славный парень, Рома, нет сил, до чего славный. И всё-таки ты балбес, извини. Не стоит брать на себя непосильную ношу. Позволь им самим решать, как жить и как умереть. Всё, что мы можем для них сделать, – это наглухо заблокировать на их гниющем Оплоте. Тогда у Повелителя не будет шансов применить свою кварковую бомбу. И они проживут ещё немного. Но, если совсем уже откровенно – им давно пора умереть. Таково моё мнение.

Аина встаёт, и кружок моих коллег разом приходит в движение.

– Ну, будем считать это интеллектуальной разминкой, – подводит итог дискуссии шеф. – Всё, работаем, коллеги! Ну а с тобой, Рома, мы сейчас порхнём в аналитический отдел...

Я понятиливо киваю головой. Видение, посетившее меня сегодня – тут без аналитиков не разобраться. И ещё вопрос, разберёмся ли с аналитиками.

– А вот и папа!

Я вваливаюсь в дом в самый ответственный момент – идёт передача по смене нашей ненаглядной дочуры. В буквальном смысле с рук на руки – прабабушка Ночная Тайна принимает из рук моей супруги бесценное сокровище.

– Папа, смотри, что мне прапрадед подарил! – Мауна показывает шар, немного уступающий размерами футбольному мячу, внутри которого плавно перетекают дымные цветные струи. – Он летает и поёт, и ещё смеётся!

Я беру в руки упругий мячик, и в недрах его появляется весёлый округлый глаз.

– Привет! Споём?

Да уж... Это не розовый кот с крылышками в очках. Мне становится даже неловко за убогость собственного воображения.

– Летящий поперёк, он мастер на такие штучки, – смеётся прабабушка, угадав ход моих мыслей. – Ну так до ужина?

– Да, к ужину мы непременно будем! – заверяет Ирочка. – Спасибо за помощь!

– Вам спасибо, – опять смеётся прабабушка. – Когда бы ещё выпала такая возможность – посидеть с этой вот роскошной куклой?

– Я не кукла, я живая! – резонно возражает Мауна. – Мама-папа, я буду по вам скучать, как только надоест играть. Прабаба, давай играть, пока я не заскучала!

На этой оптимистической ноте мы с Ирочкой выпархиваем из дому, и нас немедленно подбирает транспортный кокон. Процедура эта стала для меня настолько привычной, что нужная поза принимается автоматически.

– Ну здравствуй, муж мой, – Ирочка поудобнее устраивается рядом, тянется ко мне для поцелуя. Я охотно отвечаю. Не терять же впустую время, затрачиваемое коконом на перелёт... – Устал?

– Устал и соскучился, – честно отвечаю я.

Да, действительно, в последнее время мой рабочий график несколько переуплотнён. Дело в том, что я записался на курсы подготовки миссионеров. Моя жена тоже занималась там, поскольку перевелась в резерв миссии до окончания «декретного отпуска» – так она шутя называла время до Первого полёта нашей дочери. Так что нередко приходится мне напрямую со службы да на учёбу – еле домой успел сегодня заскочить...

Если совсем откровенно, я надеялся, что мы будем заниматься вместе, однако оказалось, что это не совсем так. Опытные миссионеры-резервисты занимались по другой программе, я же вместе с новичками штудировал азы. С удивлением я обнаружил, что мой опыт работы в службе безопасности малопригоден для миссионерской деятельности – как, скажем, опыт лесоруба немного значит в садоводстве. Полоть и сеять – две большие разницы.

Однако сегодня мы будем заниматься вместе. Сегодня у нас зачёт по боевой подготовке, а она одинакова и для курсантов-новичков, и для опытных резервистов.

Между тем кокон уже переходит в вертикальное падение. Всё? Что-то слишком быстро...

«Просто мы слишком долго целовались. Ты не заметил, Рома, как перестал любоваться звёздами. – Ирочка укоризненно качает головой. – Ай-яй-яй».

«Ничего не перестал! – не соглашаюсь я. – Каждый раз любуюсь, если один лечу. Но сегодня я не один, и у меня есть объект для любования, гораздо более прекрасный, чем любые звёзды».

«Мелкий льстец!» – но я ощущаю, как ей приятно.

«Очень, очень крупный!» – вновь не согласен я, и Ирочка в ответ звонко хохочет. Чудо моё, невероятное чудо...

О-оп! Кокон без затей вываливает нас в воздух, и мы привычно разлетаемся, начинаем снижаться по тугой спирали, скользя напротив друг друга. Кстати, нам уже говорили – с земли мы в этот момент смотримся просто чудно...

Синхронными взмахами крыльев мы с женой приземляемся, одновременно и изящно. Так же синхронно и в то же время непринуждённо складываем крылья.

– Привет, коллеги!

– О, а вот и наша сладкая парочка! – приветствуют нас коллеги. – Как настроение?

– Мы всегда, а вы как?

Шутки, смех, после нас прибывают ещё несколько ангелов – курсанты и резервисты миссионерской службы. Я оглядываю собравшихся – ангелов тридцать, не больше. При этом большинство резервисты, уже служившие на Земле и в силу каких-то причин временно оставивших службу. Так что курсантов по пальцам пересчитать можно. Слабовато чего-то идёт набор в миссионеры.

«Можно подумать, в службу безопасности набор больше», – улавливаю я мысль своей жены.

«Не больше. Но лесорубов много и не нужно. Вот сеять разумное-доброе-вечное – тут непочатый край работы».

«Просто в миссии отбор жёстче».

– Здравствуйте все! – я не заметил, как перед нами возник инструктор. Каждый раз он возникает вот так, будто ниоткуда. Телепортируется, что ли? Нет, разумеется, это дело отличается неслабыми спецэффектами. Мастер, ничего не скажешь...

Все курсанты и резервисты уже выстроились в шеренгу, и поскольку подбор по росту для ангельских миссионеров необязателен, то вполне естественно, что стоим мы с Ирочкой рядышком. Летящие роботы техобслуживания сновистом раскладывают перед нами тугие скатки боевых скафандров – каждому свой – с пузырями защитных шлемов и исчезают.

– Итак, сегодня у нас зачёт, – инструктор, уже знакомый мне Эйю, чуть улыбается, но глаза и мысли его не оставляют места для шуток. – Зачёт будет проходить по усложнённой схеме, более того, дифференцированно...

– Ого! – вырывается у кого-то из шеренги.

– Прошу прощения, но я не закончил, – пресекает неорганизованную реплику инструктор. – Сейчас вы разберёте свои боевые скафандры и наденете их. Одевание, проверка всех систем – три минуты.

Вот теперь уже и я изумлён. Жёстко. Очень жёстко. Как будто тут не миссионеры, а ликвидаторы собрались...

– Далее, вы получаете пакет с заданием, – продолжает инструктор, не шевельнув бровью. – Сразу хочу предупредить, вводные могут быть самые дикие, но так надо. Выполняете задание и получаете зачёт. Или не выполняете и не получаете. Всё просто. Вопросы?

– У меня вопрос, – подаёт голос молодая женщина-курсант, Фиия. – С чем связана такая нестандартность заданий?

– Всё просто. В отличие от ликвидаторов миссионеров могут ожидать весьма разнообразные ситуации. Ещё вопросы?

Все молчат.

– Нет вопросов, – подводит итог Эйю. – Ну что же, берите свои скафандры. Время пошло!

Всё приходит в движение. Курсанты и резервисты одеваются молча, быстро и сосредоточенно. Я вспоминаю, как путался в скафандре, не попадая крыльями в прорези. Теперь такого нет, разумеется. Шуршит шелковистый скафандр, с лёгким треском закрываются застёжки. Раз-раз, и крылья мои окантованы по передней кромке металлом – пришли в движение усилители «пырялок», как их метко окрестила Ирочка. Оп, и вот уже на голове моей красуется прозрачный пузырь шлема.

«Быстрее, Рома, проверяй системы, время, время!»

Я одну за другой тестирую вшитые в скафандр штуковины. Да, сегодня нашим противникам-«Иванам» придётся туго.

– Все готовы? Хорошо! – Эйю обводит взглядом строй. – Летящий через горы, прошу! Немолодой уже ангел-резервист берёт плоскую пластинку, напоминающую земную жевательную резинку. По поверхности бежит текст, и ангельский лик экзаменуемого приобретает выражение крайнего изумления.

– Три летающих робота?!

– Будем сдавать? – осведомляется инструктор.

– А куда деваться? – но я чувствую, как мужчина раздражён.

«Рома, я его знаю. Он где-то в Южной Африке работал, и жена его тоже. Опытные кадры».

«Понятно. Декретный отпуск?»

«Точно».

А экзаменуемый уже стоит на поле, и из подземных ангаров выплывают знакомые шестирукие конусы, имитация боевых роботов Истинно Разумных. Роботы выходят на исходную позицию, окружая «пернатого» с трёх сторон.

«Ничего себе! Ещё и на разном расстоянии!» – это Ирочка.

– Ап! – даёт отмашку инструктор.

Вспышки, грохот, тяжкий гул – это ближайший к испытываемому робот ударился о землю, сбитый двумя сотнями «же» гравибоя. Всё заканчивается почти мгновенно – два робота-имитатора разлетелись на куски, а самый дальний валяется на боку, и из прожжённого в корпусе отверстия лениво тянется струя сизого дыма.

– Поздравляю, зачёт! – одобрительно говорит Эйю.

Испытуемые один за другим берут со столика «экзаменационные билетки». Задания крайне разнообразны – то пара «Иванов» вкупе с какой-то металлической змеей-сороконожкой, то куча механических «блох» размером с воробья...

«Видала? Раньше такой техники не было вроде как. Не спят «зелёненькие».

«Только на подобную мерзость ума и хватает!»

Между тем «блохи» с чавканьем выскакивают из грунта, куда их запрессовал гравибой, и резвой толпой устремляются к цели. Похоже, поработатель также не оказывает должного воздействия на столь маломерные объекты, и лишь вспышки боевого лазера прекращают их прыжки – каждую вспышку лазера сопровождает взрыв очередной прыгучей гранаты. Однако потери не обескураживают «блох», они прут, как красноармейцы на Перекоп, и в следующую секунду один из имитаторов достигает цели. Ослепительная вспышка, грохот, и женщина-ангел валяется на земле, натужно кашляя.

– Сочувствую, – голос Эйю мягок, однако в мыслях его раскаяния не ощущается. – Если бы это были реальные игрушки «зелёных», тебя бы уже не было в живых. Нужно было просто включить силовое поле, Лоа, эти штуковины не в состоянии преодолеть «пузырь»...

– Не смей называть меня Лоа! – хрипит резервистка, с трудом поднимаясь с земли. – Злодей!

– Я не злодей, Полночная Заря, я ваш инструктор, – ещё мягче говорит Эйю. – Незачёт, к сожалению. Пересдача по готовности. Пожалуй, тебе потребуется кокон.

Лоа не возражает – хотя скафандр и защитил от взрыва имитатора, однако потрясение на грани лёгкой контузии явно лишило на время экзаменуемую способности летать своим ходом. Двое девушек помогают пострадавшей освободиться от скафандра, и кокон подбирает её прямо с земли.

«Ты глянь, Рома, что делается!» – Ирочка в изумлении.

Действительно, есть повод. На сцену выкатывается нарядно-белый «двухсотый» «Мерседес», но не успеваю я налюбоваться, как авто с грохотом разлетается на куски, и одно горящее колесо катится по жёсткой, как проволока, траве полигона.

«Чисто земной Голливуд!» – делюсь я впечатлениями с супругой.

«Хуже».

– Поздравляю, зачёт, – говорит Эйю. – Однако, на мой взгляд, задание не совсем корректно. Ты знал, что там враги, и не дал им выйти. Что же, кому-то должен был достаться лёгкий билет.

Следующей выходит наша знакомая, Фииа. Берёт билет, и глаза её округляются.

– Без скафандра?!

– Ну там же должно быть написано, – инструктор невозмутим.

Помедлив, Фииа начинает раздеваться. В мыслях у неё смятение, и мне не удаётся уловить суть задания.

«Ей голой против «Ивана» сражаться придётся, что ли?!»

«Не то, Рома, не то!»

Экзаменуемая выходит на исходную позицию, на ней теперь только нитка хрустальных бус и поясок, да на пальце блестит серебристый перстень. Да, примерно в таком виде и пребывают обыкновенно ангелы-миссионеры летом в охраняемой зоне близ своих баз. Да и за её пределами часто тоже – боевые скафандры надевают обычно только во время явной опасности.

Между тем на площадке появляются новые персонажи, и я даже рот открываю от изумления.

Три пьяных небритых личности, определённо ведущих род свой от хомо сапиенсов, тащат человеческую же девочку лет десяти. Сценка выглядит донельзя натурально – девчонка плачет, брыкается, злодеи срывают с неё одежку...

– Ап! – даёт команду Эйю.

Фииа взлетает и с нарочитым шумом опускается перед группой. Наверное, с такого расстояния марево маскирующего поля здорово заметно, мелькает в голове мимолётная мысль...

Однако Фииа уже выключила поле и медленно распускает огромные бело-радужные крылья. Насколько мне помнится, подобный простой приём оказывает на аборигенов одной дикой планеты неизгладимое впечатление.

– Отпусти её! – чётко, по-русски говорит Фииа.

Мгновение столбняка сменяется паникой – один злодей бросается бежать, но спотыкается и падает, настигнутый парализатором, второй валится в обморок на месте. Однако третий делает нестандартный шаг.

– Уходи... – в руке небритого блестит нож, который он прижимает к горлу замершей девочки. – Сгинь, сгинь!

Небритый и девочка валятся, как куклы – парализатор не различает тесную цель. В несколько широких шагов Фииа оказывается рядом, внезапно резко наклоняется и сразу опускается на колени рядом с девочкой.

«Она не дышит!» – улавливаю я мысль экзаменуемой.

– Биологическая смерть человека наступает быстро, – невозмутимо отвечает Эйю вслух.

Не тратя более времени на возмущение, Фииа приступает к реанимации. Искусственное дыхание «рот в рот», непрямой массаж сердца...

– Нет, ты погляди, что делается! – не в силах сдержать возмущение, говорит Ирочка. – Это же имитация, биоробот!

– Ты считаешь, нужно было доставить на полигон живых людей? – столь же невозмутимо возражает инструктор. От возмущения Ирочка даже поперхнулась.

– Готово, дышит, – Фииа встаёт, с отвращением отплёвывается. – Гадость какая!

– Поздравляю, зачёт, – наш инструктор непробиваем, как корпус «Мгновенной смерти». – Отдыхай.

– Разумеется, я подам официальную жалобу, – говорит Фииа, продолжая отплёвываться. – Я понимаю, максимальный реализм, качественная подготовка и всё такое... Однако

платить тебе и составителям этой вот, с позволения сказать, экзаменационной подборки ни в коем случае не следует. Не заслужили.

– Что делать, – чуть улыбается Эйю. – А теперь Иолла!

Ирочка идёт к столу, берёт билетик. Вглядывается в плывущий сверху вниз в окошечке текст.

– Это немыслимо, невозможно!

– Невыполнимых заданий в экзаменационной подборке нет, – невозмутимость нашего инструктора меня уже просто бесит. – Кого ты возьмёшь в напарники?

– Ну уж точно не тебя, Эйю! – резко бросает Ирочка.

«Рома... Ты понял?»

«Не волнуйся, родная моя. Там был настоящий Иван, а тут хилый имитатор. И мы опять вместе».

Мы уже стоим на исходной позиции. Оба в боевых скафандрах... которые сейчас перестанут быть боевыми.

...Он шёл почти так, как ходят люди. Неискушённый взгляд земного прохожего вряд ли выделил бы его из толпы. Но я уже достаточно насмотрелся на всех этих «Иванов» и «Иварсов». Я мгновенно и издали нашёл бы его даже в час пик на Арбате.

И, словно отвечая моим мыслям, вокруг запестрели прохожие, возникшие ниоткуда. Разумеется, это голограмма.

Вводная была проста, как древесная дыня. Этот «Иван» идёт по своим делам из пункта А в пункт Б, где, собственно, и должен совершить своё чёрное дело. Мы обнаружили его только что, и нет времени звать подмогу. Внутри у него неслабый заряд самоликвидатора – да-да, в последнее время такие штуки стоят на всех «Иванах» в обязательном порядке. Наша задача – остановить «Ивана», уничтожить, да ещё и не допустив массовых жертв. Если бы место было безлюдным, задача была бы элементарной, но...

Ирочка права, права – ситуация совершенно немыслимая. Открытое появление ангелов в людном месте и бой подручными средствами с чудовищной биомашинной – такого не может быть просто потому, что не может быть никогда... Однако в жизни порой случается даже то, чего быть не может.

Лёгкий холодок пробегает по телу, что в данном случае означает – включен «гаситель». В зоне действия «гасителя» никакие выбросы энергии и взрывы невозможны, и потому из всех видов оружия рабочими остаются только наши руки, ноги и крылья против лап «Ивана». Единственный плюс – острые «пырляки», окантовывающие переднюю кромку крыльев, даже без усилителя способны перерубить стальной лом. Да ещё пассивная защита скафандра и пузыри шлемов способны в случае чего смягчить чудовищный удар лапы с металлокерамическими костями внутри.

– Ап! – раздаётся команда.

Мы взлетаем одновременно.

Я сажусь перед носом у «Ивана», моя жена за его спиной, но такой нехитрый приём не проходит – биоробот одним движением разворачивается и уходит в сторону, избегая удара с тылу. Нас теперь отлично видно – маскировка отключена. Голограммы послушно изображают панику, «Иван» же, напротив, сохраняет завидное хладнокровие, и на лице его вежливая улыбка – ну ясно, он очень рад нас видеть.

И внезапно робот бросается на Ирочку.

Время будто загустело, стало вязким, словно смола. Медленно-медленно движется лапа биоробота с растопыренными когтями, выдвинутыми из таких человеческих пальцев...

Взрыв в голове!

Я пришёл в себя так же внезапно, как и вышел. Обрубки «Ивана» пытаются расползтись, но Ирочка отшвыривает их в кучу, одновременно издавая пронзительный визг, от которого

мурашки по коже. Очевидно, именно от этого визга тени-голограммы резво разбегаются из поля зрения, как тараканы.

«Взлёт, Рома, взлёт!!!»

Ноги сами подбрасывают меня вверх. Как это неудобно, летать в скафандре, как мешают «пырялки»... И в этот момент прекращает работать «гаситель».

Взрыв! Если бы там был настоящий «Иван», нас бы заметно трянуло, наверное, несмотря на включившуюся защиту. Однако и так звуковой эффект неслабый... Всё?

«Нет, не всё. Сейчас я разберусь с Эйю, а у остальных составителей этих милых тестиков ещё есть время раскаяться!» – это Ирочка.

– Поздравляю, зачёт! – говорит нам обоим инструктор, когда мы, злые и распаренные, приземляемся рядом. – Молодцы, просто молодцы! Вам выпал самый трудный билет, но вы справились. Обычно режутся из-за несогласованности – в одиночку одолеть эту тварь с деактивированным скафандром практически невозможно...

«Рома, ты спереди, я сзади. Неужто уважаемый Эйю крепче того «Ивана»?»

Глава 3. Уравнение с неизвестными

– Папа, гляди, как я ещё могу!

– Ай, молодец!

Мауна резвится вовсю – переворачивается, кувыркается и наконец повисает на одной ноге, уцепившись пальчиками ступни за перекладину. Розовые культяпки на спине смешно трепещут – рефлекс крылатого существа уже дают о себе знать. Тренажёры для маленьких ангелов напоминают лес висячих гимнастических трапеций и колец, торчащих из стен упругих резиновых палок и прочих загогулин. Да, одна из комнат нашего жилища превращена в натуральный тренажёрный зал, правда, самораскладывающийся и самоубирающийся.

– Папа, а я вот так вот ещё умею!

– Ну ты вообще у меня!

Нечаянная Радость тоже принимает активное участие в гимнастическом шоу – отчего не развлечься? Зверюшка висит в кольце, хлопая крыльями, и у меня возникает стойкое ощущение, что вот-вот она заявит на чистом русском языке: «Попка дурррак!»

«Ира, Ир...»

«Ау, любимый?»

«Она высоко забралась, под потолок. Ну как упадёт?»

«Не упадёт, ангельские дети – не человечьи, Рома. Врождённая ловкость. А если даже вдруг, так высоты недостаточно, чтобы сломать себе что-либо, у нас крепкие кости. Поплачет и опять полезет».

«А ты скоро?»

Шелестящий бесплотный смех.

«Соскучился?»

«По тебе – всегда. Если бы не Мауна Романовна, уже бы зачах от тоски».

Меня словно обдаёт теплом костра.

«Скоро, милый. Уже совсем скоро!»

– Мама, привет! – Мауна резво спускается из-под потолка, как земная мартышка. – Я тебя слышу и тоже соскучилась!

«Ну теперь мне просто деваться некуда, кроме как немедленно вылетать домой, – улавливаю я ответ, адресованный не мне, и шелестящий смех тоже. – Играйте с папой, я скоро. Яиц мелких принести вам?»

– Да!

«А ты учись разговаривать не открывая рта, доча».

– Ага, а если он сам не закрывается!

Господи, как я счастлив!

– Папа, мама велела нам вдвоём играть! – дочура запрыгивает на меня, как котёнок на дерево, обхватывает руками и ногами.

– Ну раз велела, непременно! – я обнимаю малышку четырьмя конечностями, остро сожалея, что не могу использовать ещё и ноги. – А во что мы будем играть? Говорящий мячик?

– Нет, в мячик не хочу! Ты меня подбрасывай и хвали, а мы с Нечаянной Радостью будем визжать!

– Да, шеф!

Повинуясь моей команде, тренажёры сворачиваются с глаз долой. Я начинаю подбрасывать Мауну вверх, восхищаясь красотой её полёта в строгом соответствии с полученными инструкциями. Дочура визжит и хохочет, Нечаянная Радость носится вокруг, внося посильную лепту в какофонию визга – в общем, веселье до краёв.

– Всё, хватит! – Я ставлю малышку на пол. – Купаться пойдём? Пока мама не прилетела...

– Только ты меня мой!

– А сама?

– Самой неинтересно!

Разумеется, против такого довода мне нечего возразить.

Открытый душ в хозблоке хлещет со всех сторон тугими струями. Дочура шлёпает себя ладонями по животу и культяпками по спине, покуда я намыливаю мочалку. Мочалка и мыло, кстати, имеют самый обыкновенный вид, появившись подобный товар где-нибудь в Москве, никто не сообразит, что это изделие иного мира – плоская округлая лепёшка и путанка из разноцветных синтетических нитей.

– Папа, а у меня крылышки ещё подросли!

– О, и правда!

Вообще-то увеличение крылышек со вчерашнего дня без микроскопа не обнаружить, но я говорю совершенно искренне – раз есть у ребёнка такое ощущение, значит, это правда.

– Ага, не ждали? – в дверях хозблока стоит Ирочка, держа в руке корзинку, полную мелких яиц.

– Мама, мама прилетела! – Мауна бросается к матери. – Ждали, ждали, ещё как ждали!

– Ой, ты вся мокрая!

– А папа меня уже выкупал, вот! Чтобы не тратить драгоценное время, отпущенное на общение ребёнка с вечно занятой матерью, – последнюю фразу дочура произносит моим «стандартным» голосом.

– О, как это мудро! – в глаза моей ненаглядной бесится смех.

– Он и сам нечаянно выкупался, но ты не переживай – папа сейчас и с тобой выкупается, вот! – говорит дочура самым искренним тоном. – И сделает с тобой всё-всё, что ты захочешь!

– Это он сам тебе сказал?

– Нет, не сказал. Но он так думает!

Выдав заключительную фразу, ребёнок исчезает из хозблока. Ещё секунду мы стоим и вдруг валимся друг на друга от хохота.

Да уж... При всех неоспоримых достоинствах открытая и неограниченная телепатия имеет серьёзные недостатки...

– ...Примерно вот так. Ни одного упоминания о подобных существах нет ни у кого. Данная цивилизация не входит ни в один из «клубов».

Дневная жара спала, и прохладный воздух вливается в проём. Мы лежим на диване, обнявшись. Возможно, я сделал не «всё-всё», как заверяла маму Мауна-младшая, но отнюдь не так уж мало. Однако потехе час, а всё остальное время у нас нынче уходит на дело.

Информация, добытая моей буйной головушкой из единого энергоинформационного поля Вселенной, оказалась столь интересной, что уже к вечеру была направлена из нашего отдела во все учреждения – в инопланетную миссию, в Академию наук и даже коллегам соответствующих учреждений на Свире и Сэнсэе. На последних была главная надежда – как самые старейшие в нашем «клубе», сэнсэи имели выход на другие «клубы». Правда, соседи ввиду значительного различия в интересах делятся информацией скупой, но в таком деле, как идентификация обитаемого мира, никогда не отказывают – насколько я понял, есть в нашей Галактике определённые правила игры, обязательные для всех – если, разумеется, они не Истинно Разумные, упорно сидящие в самоизоляции.

Однако все запросы пропали втуне. Это могло означать одно из двух. Либо цивилизация пушехвостых – а судя по крейсерам-броненосцам с пушками, уровень её примерно соответствовал уровню середины двадцатого столетия Земли – была пропущена поисковиками звёздных цивилизаций, либо... либо...

«Вот именно, Рома – «либо». Задача решается легко, если предположить, что пушехвостые вообще не из нашей галактики. Поэтому ни один «клуб» про них и не знает».

Меня пробирает дрожь. Дожили... Мало мне того, что во сне я шныряю по всей нашей Галактике, а если ещё начать шнырять по соседним...

«Ну-ну, не так всё ужасно, – Ирочка улавливает моё смятение. – Это всё просто твоя неорганизованность, муж мой, тяжкое наследие земного балбеса. Более того, скажу так – в некоторых случаях это для тебя плюс. Сомневаюсь, что твой знакомый Цанг смог бы повторить сей подвиг. Он дисциплинирован и собран во время сеанса, твёрдо направляет поле внимания и сознания и т. п. в нужную сторону. Не вижу, не стреляю».

Я вижу целый рой мыслей в голове у моей жены – ангелы отличаются многоуровневым мышлением, к тому же думать имеют привычку просто стремительно.

«Я часто думаю, Рома – почему я тогда так удачно уронила перстень? Ни до, ни после такого со мной не бывало – парализатор на пальце сидит крепко. Я попросила Фью, он посчитал вероятность того события, столкновения с вашим корявым механизмом – именно с тем, который нужен».

«Ну и?»

«Что «ну и?» Вероятность меньше чем десять в минус пятидесятой, Рома, в нашей Вселенной твёрдо равна нулю».

Её глаза близко-близко.

«Этого не могло произойти, Рома, потому что не могло произойти никогда. Однако это произошло. Только случай тут ни при чём. МЕНЯ ВЕЛИ К ТЕБЕ, Рома. Вот так вот, как любит говорить папа».

«Погоди... постой...»

«Нечего годить и стоять, Рома. Меня вели, потому что иначе ты не смог бы оказаться здесь. Не смог бы стать Всевидящим».

Ирочкины глаза мерцают во мраке.

«Те, Кто Нас Бережёт, никогда не показываются нам, Рома. Так же, как наши миссионеры людям. Может быть, за исключением немногих ангелов, истинные мысли которых прочесть невозможно. Это главный принцип – скрытность в отношениях между разными уровнями разумных. Иначе никак нельзя, иначе малыши навсегда останутся малышами, по каждому пустяку бегая к учителям: «А так правильно?». Часть правил игры под названием «жизнь». И то, что произошло, говорит об одном – твоя нынешняя работа лишь этап. Твоё предназначение гораздо глубже, только никто пока не видит его».

У меня перехватывает дыхание.

«Постой... это что же...»

«Не говори ничего, не время. Это слишком сложно, Рома, эти мысли должны выкристаллизоваться из мути повседневности. Главное, не бойся. Я буду рядом с тобой всегда».

Её глаза занимают всё поле моего зрения.

«И вообще, хватит о великом и вечном. Мне было обещано, что кто-то сделает буквально «всё-всё».

«А разве я не сделал?»

В любимых глазищах, только что глубоких, как бездны мироздания, уже пляшет смех.

«Ну, не то чтобы совсем ничего не сделал... Но столько ли надо?»

– Биан, ну почему?! Я же оперативный сотрудник, в конце концов...

– Всё, я сказал! – шеф демонстративно зажигает перед собой виртуальный дисплей, недвусмысленно намекая на окончание дискуссии. Я от избытка чувств громко хлопаю крыльями, но отхожу на своё место молча. Сажусь на коврик, и вид у меня настолько понурый, что Аина из-за своей ширмы окатывает меня потоком тёплого ободрения.

«Ладно, Рома, не переживай. В другой раз повидеешься со своей роднёй».

«Не в родне дело, и ты это знаешь».

«Да шучу, шучу. Но ты правда не переживай. Служба есть служба».

Против этого мне нечего возразить. Порядки в нашей конторе самые что ни на есть демократичные – можно спорить с шефом отдела, можно при желании даже с главным шефом всей конторы. Доказывать, порой даже хлопать крыльями... И ничего тебе за это не будет, покуда ты чётко исполняешь задания.

Сегодня шеф снял меня с задания, к которому мы с Аиной готовились шесть дней – изучали вводную, прорабатывали варианты... Да, в Папуа – Новой Гвинее местный координатор «зоны ответственности Ириан» запросил помощь. Послезавтра отправка, а сутки здесь, между прочим, втрое короче земных. Успеет ли Иол подготовиться?

Мне же поручено разобраться наконец с тем видением. Наши аналитики...

– Рома, вот такой вопрос – ты ещё здесь? – прерывает мои молчаливые душевные терзания Биан.

– Нет, это уже послесвечение, – огрызаюсь я, поднимаясь. Зря огрызаюсь вообще-то. В данном конкретном пункте шеф прав, разумеется. Меня ждут в аналитическом отделе.

Я вынырываю из прохладного полумрака внутреннего зала, сердцевины нашего отдела, в сияющий свет полудня и «солдатином» проваливаюсь вниз. На нужном уровне резко распахиваю крылья и торможу падение несколькими сильными взмахами. Последний взмах аккуратно ставит меня на край входного проёма. Здорово я научился летать, между прочим. А ведь поначалу скользил по широкой спирали, спускаясь плавно и осторожно, как земная старушка перелезает через штaketник бочком, вместо того чтобы не глядя перемахнуть его.

Аналитики сидят широком полукругом, таращась на висящее в воздухе изображение. Кругом расставлены корзинки с разнообразными фруктами и орехами. Я усмехаюсь – сотрудники аналитического отдела вообще славятся тем, что весьма щедро расходуют рабочее время на поиски всевозможных вкусов в окрестных лесах. За что регулярно подвергаются едкой критике со стороны нашей Аины, кстати. Но справедливости ради нужно признать – головы у ребят варят неплохо, и временами от наших аналитиков бывает даже реальная польза обществу.

– А, Рома, привет! – вся компания отвлекается от экрана. – Мы тебя уже ждём. Слушай, мощно! Слов нет, как мощно! Эх, мне бы так видеть... – это уже Играющий с Ветром. – Угощайся, кстати!

– Ребята, давайте к делу, а? – неласково огрызаюсь я. – Чего вы такое обнаружили в моём бреде, что шеф с задания снял...

– Снял с задания? Вот злодей! – притворно-сокрушённо качает головой Играющий с Ветром. – Ну ладно, к делу так к делу.

Вспыхивает изображение – бронепалуба корабля, волны, садящееся чужое светило... Да, это оно, моё видение.

– Жалко, что ты увидел только самый конец заката. Однако по светилу мы вычислили широту местности, где-то около шестидесяти пятой параллели. Наклон к орбите у планеты почти тридцать градусов – летом в околополярных широтах должно быть жарко. Исходя из размера диска и яркости, а также убывания её при заходе за горизонт, удалось определить диаметр материнской звезды, массу и спектральный класс соответственно, а отсюда уже и расстояние до неё. Благодаря полоске суши, видневшейся на горизонте, мы определили также расстояние до горизонта и через него радиус планеты – представь, чуть крупнее твоей родной. Имеется довольно заметных размеров естественный спутник – но это уже из смутных ощущений, которые мы расшифровали. Точнее сказать трудно, там один эмоциональный фон. Да, по тому же заходящему светилу посчитали и скорость вращения планеты, у них сутки примерно одинадцать с четвертью наших часов. Ну, а по характеристикам закатного зарева удалось примерно

прикинуть плотность атмосферы – где-то ноль восемь от нашей райской. Ну и про климат, пожалуй – из рассеянных мыслеобразов второго ряда контактера определённо следует, что зимой в околополярных широтах идёт снег, но океаны и моря не замерзают никогда.

Играющий с Ветром виновато вздохнул.

– Вот, собственно, и всё. Не зная цветовосприятия существа-контактера, сказать что-либо ещё невозможно.

Я восхищённо смотрю на Играющего. Нет, определённо ребята не зря трескают свои фрукты-орехи. Извлечь из одного бредового видения сразу столько сведений!

– Да мало, мало! – аналитик встряхивает крыльями. – Вот если бы тебе удалось ещё раз... Ты пойми, Рома, – нам бы разок увидеть звёздное небо того мира, и сразу всё станет ясно, где примерно искать...

– Вон вы о чём... – я даже присвистнул, очень по-человечьи. – Нет, ребята, ничего не могу обещать. Я там случайно...

– Случайность – это непознанная закономерность! – тоном классика марксизма изрекает Играющий с Ветром. – Ты пойми, Рома, это ведь не дикари с каменными топорами и кольями. Уже достаточно развитая техническая цивилизация, абсолютно бесхозная, разумные хищники, вроде сэнсэев... Воинственные, что легко объяснимо. Короче, их надо найти и взять под опеку. Или, по крайней мере, передать под контроль местного клуба, если окажутся на другом конце Галактики. Чтобы не получить ненароком новых Истинно Разумных в случае чего.

– А если они вообще не из нашей Галактики?

Играющий молча разводит руками.

– Тогда это не нашего ума дело, Рома. Но нам нужно увидеть их звёздное небо. Сможешь?

Я только кручу головой. Да, это мне не «зелёных» ловить...

– Я попробую.

Аналитик явно мнётся.

– Ты договаривай уже, – поощряю я его. – Я не кусаюсь.

– Понимаешь, какая песня... Это видение не случайно, так выходит. Оно как-то предвещает твою судьбу, что ли...

– Ну? – я изумлён. – Преклоняюсь... И всё это по краешку солнечного диска?

Но никто не смеётся.

– Зря ты так, Рома. Он дело говорит, – подаёт голос второй аналитик. – Ты подумай, где можешь крупно влететь, вот что.

Глава 4. Нулевой уровень

Десяток ангелов обоего пола сидят на полу, разглядывая диаграмму на виртуальном экране, развёрнутом от стены до стены. Преподаватель, эффектная платиновая блондинка с изумрудными глазами и подкрашенными в розовый цвет кончиками маховых перьев – последний писк моды – держит в руках световую указку.

– Опаздываешь, Победивший Бурю.

– Прошу прощения, Прячущаяся в Ветвях, – я даже слегка кланяюсь, сложив руки лодочкой. – Постараюсь исправиться. Можно сесть?

– Да, пожалуйста. Итак, продолжаем...

Я осторожно пробираюсь на своё место, обмениваясь приветливыми улыбками с сокурсниками. Сегодня лекция по теме «Вселенская иерархия разумных».

Курс подготовки миссионеров значительно отличается от начальной подготовки оперсонала службы внешней безопасности. Что вполне объяснимо – профессия садовода несколько сложнее профессии лесоруба, и сеять разумное-доброе-вечное много сложнее, чем выпалывать сорняки. Вот, например, про иерархию эту я слышал вскользь.

– ...Итак, мы видим, что все сообщества разумных во Вселенной имеют несколько уровней развития.

Начальный уровень принято называть нулевым, или уровнем дикости. Он охватывает широчайший спектр миров – от тех, где разум только-только выделился из животного мира, и вплоть до тех, где сообщества аборигенов начинают переходить от присваивающего хозяйства к производящему.

Наша наставница делает лёгкий жест рукой, и на экране возникает трёхмерная звёздная карта, изображающая изрядный кусок звёздного рукава нашей Галактики, в центре которого пульсирует ярко-алым огнём точка, изображающая местоположение Рая. Две другие алые точки на карте горят ровным немигающим светом, изображая Свир и Сэнсёу – это всё, чем пока богат наш «звёздный клуб».

А вот жёлтых точек-звёздочек чуть больше, и среди них я нахожу свою прародину. Да, это так – Земля уже находится на этапе перехода от первично-варварской цивилизации к развитой, и меня охватывает законная гордость. Да, законная, потому как зелёных точек много больше – это всё первично-варварские цивилизации, пока ещё только с бронзовыми топорами или уже с неуклюжими чугунными трубами, метающими чугунные же шары в братьев своих...

Но ещё больше голубых точек, означающих «нулевой уровень» – там, где над мёртвым зеркалом истории невозмутимо плывут многие тысячелетия, и аборигены в зависимости от происхождения стерегут в засаде дичь, сжимая в руке копье с каменным наконечником, или пасутся среди сочной растительности, под охраной могучих мужчин с теми же копьями.

Ну а фиолетовых точек вообще немерено. Это миры, где жизнь ещё не достигла уровня разума. Сколько их, этих спящих миров... Разумеется, он появится там, этот вездесущий разум – любая жизнь становится разумной рано или поздно... Но никто из ныне живущих этого не застанет, ибо эволюция сих планет длится миллионы, многие миллионы, нет, миллиарды лет...

И всё это разнообразие тонет в сплошной массе безликих белых точек, изображающие системы, изначально непригодные для жизни. Где жизни нет и не будет никогда, и несчастные звёздочки обречены умереть бесплодными...

И только одна-единственная точка выделяется среди прочих. Человеческий глаз не увидел бы его, но мои ангельские очи видят ровное мёртвое свечение ультрафиолета вкупе с мерцанием инфракрасного луча. Этот мир – Оплот Истинного Разума. Моя цель.

– ...О Великий Спящий, не будешь ли столь любезен повторить сказанное мной только что? – врывается в неспешный ход моих мыслей иронический голос преподавательницы.

– Я? Я, это... я готов, госпожа наставница, – я стараюсь максимально достоверно изобразить взгляд Мауны-младшей. – Но не в состоянии этого сделать. Вот.

Народ потешается вовсю. Балбесы среди ангелов вообще изрядная редкость, а уж Великий Спящий балбес – такого нет даже на Сэнсэе, где, похоже, есть практически всё.

– Понятно, – преподавательница делает строгое лицо, усилием воли подавляя смех. – Что ж, на следующем занятии ответишь, раз так. Да, за «госпожу» ответишь отдельно.

– Я раскаиваюсь, о прекраснейшая! – я в самом деле раскаиваюсь, и кроме того, дама действительно выглядит донельзя эффектно. Уловив мои мысли-ощущения, наставница смягчается. Всё-таки красивому мужчине, искренне восхищённому красотой платиновой блондинки, той самой блондинкой прощается многое...

– И не надейся, о Великий Спящий! – смеётся блондинка, – так и быть, прощаю тебе «госпожу», но никак не проспавшую лекцию!

Хохот стоит такой, что, вероятно, его не способна заглушить система шумозащиты, и нашу аудиторию слышно по всему зданию. Весёлый мы народ, ангелы... и когда я отучусь ляпать? Все мысли же как на ладони...

– Ладно, повеселились, и хватит, – гасит наставница веселье аудитории. – Пока Победивший Бурю находится в сознании, повторюсь вкратце. Всякое вмешательство в судьбу миров нулевого уровня запрещено. Во-первых, это бессмысленно, поскольку за время существования нулевого цикла любой, даже самый инерционный «клуб» уйдёт в Отрыв, перейдёт на следующий уровень вселенской иерархии, и даже, вероятно, не на один. Поэтому никакого реального сотрудничества и отдачи ожидать не приходится. Во-вторых, никакие прогноз-машины не в состоянии просчитать столь дальние последствия, а теория Кью-Миа утверждает – любое неконтролируемое вмешательство обязательно ухудшает конечный прогноз. То есть основной принцип «не навреди» не может быть соблюден при любой прогрессорской деятельности, а обычное «контрольное» миссионерство бессмысленно из-за чрезмерной отдалённости результатов. Понятно, Ди?

– В той части, что мне доступна, безусловно, – отвечаю я, чем вызываю новое веселье.

– Это радует. Перейдём к следующему разделу...

Да, это всё я в той или иной мере проходил на курсах подготовки оперсотрудников нашей службы. Как хищники, обзаведясь разумом, быстро низводят все конкурирующие виды хищников неразумных до состояния ископаемых останков, в лучшем случае обитателей зоопарков и заповедников. Как затем употребляют в пищу всю доступную добычу, включая и менее крепких физически товарищей. И поскольку лозунг «не убий» среди разумных хищников выглядит полным идиотизмом, то охотничьи стычки плавно перерастают в войны.

Среди вегетарианцев процесс идёт иначе. Впрочем, с крупными хищниками ребята разбираются ещё жёстче, чем хищные братья по разуму, поскольку для них это не конкуренты, а смертельные враги. Насколько мне известно, основные хищники на Свире не сохранились даже в виде чучел.

Далее вытесняются все травоядные, питающиеся теми же плодами-корешками и прочая, что и носители разума. И чем шире кормовая база разумных вегетарианцев, тем меньше шансов уцелеть у несчастных животных. Так что пресс дикарей-вегетарианцев на свою родную планету обычно даже выше, чем хищников.

Ну а особо неразборчивые, вроде хомо сапиенсов на моей родной планете, вообще включают в рацион всё, что шевелится, и многое другое.

А когда присваивающее хозяйство аборигенов на планете заходит в тупик, поскольку всё, что можно скушать, уже присвоено, кто-то из хищников доходит умом до такой простой

мысли – не нужно сразу есть пойманного детёныша, надо подождать, пока он вырастет. Так возникает скотоводство.

И вегетарианцы решают свои проблемы, только тут выходом становится земледелие. Ну, а всеядные эти два способа выжить совмещают.

И начинается краткая эпоха изобилия, когда численность населения стремительно растёт, и племена дикарей заполняют всю планету. «Золотой век», который кончается очень быстро.

Но так или иначе, все без исключения виды разумных довольно скоро приходят к тому, что главный твой враг – это брат твой.

И на планете начинаются войны.

Перед глазами проносятся апокалиптические картины – сэнсэи в блестящих ромбических кольчугах с рогатыми шлемами, похожие на викингов, бородатые викинги, похожие на сэнсэев, закованный в латы средневековый рыцарь на обшитом листовым железом коне сшибается со свиром, и длинное зазубренное жало свирского копья погружается в грудь рыцаря... А сверху дождём сыплются отравленные стрелы древних ангелов... А вот и бутылка с зажигательной смесью летит, кувыркаясь, и я не могу уклониться... Удар по голове!

Я просыпаюсь под хохот аудитории.

– Послушай, Победивший Бурю, – на сей раз наставница рассержена всерьёз. – Я понимаю, что ты работаешь в своей службе, и знаю, что после работы учиться трудно. Но либо ты учишься...

– Никаких «либо», Юайя, – твёрдо возражаю я, и смех стихает. – Я буду учиться. Мне нельзя иначе. И прошу простить меня за дерзость.

– Ну что же, – вздыхает наставница. – Придётся простить тебя, о Великий Спящий... на занятиях.

«Но задание на дом сделать в полном объёме!»

«Будет исполнено, о прекраснейшая!»

«Да ты, однако, льстец».

«И притом очень крупный, о эффектнейшая!»

– Ой, не могу!

Ирочка хохочет, слушая моё повествование о Великом Спящем на занятиях. Сегодня мы дома вдвоём, а Мауна в гостях у прабабушки – выклячили старики у Ирочки куклу... Короче, изначально этот день мы планировали потратить на культурные мероприятия, тем более что выставка скульптуры получила свежие обновления. И вот...

«Тебе смешно, ага... А мне не очень».

Но смех так и так уже улечивается из глазищ моей жены.

«Вообще-то ты прав, конечно. Если так продолжится, тебя просто отчислят. Ведь это только начало курса, а дальше пойдут уже настоящие сложности».

«Например?»

«Теория Кью-Миа. Закон Элу-Лао. Да пальцев не хватит на руках и ногах считать... Что ты знаешь о Вселенской иерархии разумов? А о Пороге вмешательства? А о «звёздных клубах»? А о «вселенской школе», которую сэнсэи зовут ещё «конвейером миров»? А об Утративших тело? А об Ушедших на месте? И, наконец, о Вселенском Законе Возмездия?»

Я подавлен.

«Не знаю я ничего об Утративших тело. Вот об утративших разум слышал. Очевидно, уж этого-то я достигну в своём развитии».

Ирочка думает, закусив губку.

«Нет, муж мой. Не достигнешь, потому что я не дам. И вообще, я поняла – тебе так трудно, потому что курс адаптирован под ангельское мышление. А ты в основе своей таки человек».

Она вздыхает, садится на диван.

– Ладно, Рома. Я попробую. Попробую изложить всё это дело максимально упрощенно. Поймёшь суть, а детали уже дело наживное.

Она вскакивает, идёт на кухню.

«Да где же это я... Вот растяпа... От тебя учусь, кстати... Ага, вот!»

Ирочка возвращается, держа в одной руке стакан с водой, а в другой такой знакомый шарик от подшипника.

– На, глотай не жуя. Одно дело – с экрана фильм, другое – прямая заливка в мозги, как ты выражаешься. Я, правда, не мама, но постараюсь.

Я послушно глотаю пилюлю, запивая водой.

– Где будем заниматься? На диване?

В глазах Ирочки загораются огоньки-смешинки.

– На диване – это чуть позже и немного другим.

– Я тоже думаю, не стоит осквернять диван презренной учёбой, – согласно киваю. Ирочка фыркает, смешливо кося глазом.

– Ложись на пол, Рома.

Она устраивается на мне поверх, как на диване, даже слегка повозившись для удобства. Берёт мою голову в ладошки.

«Смотри мне в глаза!»

Наплывает, клубится, вихрится мириадами звёзд галактика. Наша? Похоже...

Миг, и звёзды расцветаются искусственными цветами – красными, жёлтыми, зелёными, голубыми... Это миры, где обитает разум.

Бегают по саванне голые дикари с острыми палками – всё ясно, нулевой уровень. И ещё сто тысяч годков в земном исчислении будут бегать. Если им не помочь...

«В том и дело, Рома, что **помочь** им нельзя. Можно только навредить».

Действительно, вдруг соображаю я. «Ключевых фигур истории» нет, поскольку нет самой истории. Пытаться контролировать каждую обезьяну немыслимо. А если так?

Я посылаю жене ответный мыслеобраз – сверкающий шар гиперзвездолёта медленно, торжественно опускается с небес, дикари стоят, разинув рот, всем стойбищем...

И начинается у них новая жизнь. Мудрые пришельцы учат дикарей плавить бронзу и железо, выращивать съедобный батат и всевозможный мясо-молочный скот – буде аборигены кушают мясо. Обучают их азам: не убий, не укради... с женой ближнего поаккуратней опять же...

«А вот что получится в итоге, Рома».

Перед моим мысленным взором возникает видение – дивный город, утопающий в садах, со сверкающими куполами общественных зданий. Зародыш будущей великой цивилизации. И выше всех возносится над городом Храм Богов. Да, без этого никак – мышление дикарей поневоле религиозно, и структуру Вселенской иерархии разумов невозможно донести до сознания аборигенов иным путём – научное мировоззрение на пустом месте не возникает.

И всё пока идёт отлично – упитанные дикари племени везунчиков, забывшие, что такое костлявая рука голода, славят добрых богов и размножаются со страшной силой, развивают свою искусственную цивилизацию...

«Нет никакой цивилизации, Рома. Есть разросшееся стойбище первобытных дикарей, надрессированных и откормленных».

А пришельцы спешат – вот уже клацают металлическими челюстями штампы, вертится шпиндель токарного станка... А как же? Не нанороботов же им с ходу давать? Пусть сперва привыкнут к трудовой дисциплине!

Для повышения надёжности эксперимента создаётся дубль Утопии – скажем так, Анти-утопия, «город напротив». В обоих городах отрабатываются на гражданах модели светлого будущего – естественно, различные, но будущее-то в итоге будет светлым, можно не сомневаться...

А по утрам в разных местах находят трупы. Трупы мужчин с проломленным черепом, трупы девушек, предварительно изнасилованных... Детей тоже, кстати, причём обоего пола. Понятно, боги велели: «не укради, не убий»... Боги сердятся, очень сердятся, и нарушительно будет плохо – боги, они сильны, страшно сильны... Но потихоньку-то можно? Когда боги не видят... И если раньше дикарь отпускал принудительно осеменённую даму на все четыре стороны, то теперь жертв изнасилования убивают и прячут самыми разнообразными способами, вплоть до расчленения трупов. Чтобы боги не узнали.

Пришельцы пытаются переломить ситуацию. Тотальный контроль! К насильникам и убийцам применяют жёсткие меры – сажают в клетки, подобно диким зверям, проводят медицинские процедуры, превращающие преступников в ходячие овощи. Это несколько снижает общее количество трупов, но процент расчлнённых среди них резко возрастает – дикари быстро усваивают, что прятать трупы нужно как следует. Побочный эффект – если до того обитатели счастливой Утопии взирали на богов-пришельцев с восторгом, теперь они смотрят с глубоким почтением и затаённым страхом.

Следующий шаг – браслеты слежения, надетые каждому дикарю... нет-нет, ошейники – это слишком неудобно и наводит аборигенов на неприятные ассоциации. Ещё эффективней вживлённые микрочипы. Такая мера оказывается вполне эффективной – боги отныне всеведущи и всевидящи, и количество преступлений падает почти до нуля. Аборигены больше не убивают, не насилуют, не дерутся. Не желают имущества ближнего своего, а равно и общественного. И жену ближнего своего не желают, да и собственную-то не очень. Поработал, поел, поспал... да, нужно работать, потому что боги сердятся, когда ленишься...

Всплывает новое видение – группа аборигенов в сопровождении роботов охраны. Зачем вы сбежали из города, неразумные? От своего счастья убежать хотите? Аборигены мнутя, сопят, но угрюмые морды не несут на себе признаков раскаяния. И наконец один из них, по видимому, главный, решительно вскидывает голову: «В вашем городе нечем дышать».

А побочные эффекты существования Утопии и Антиутопии растут и ширятся. Утечку артефактов полностью устранить невозможно. И вот уже горит стойбище, сожжённое ручным излучателем, и счастливый обладатель орудия возмездия богов стоит, опираясь ногой на труп вражеского вождя. Полная победа! Первая в длинной череде побед...

Но пришельцы-благотельники не сдаются. Окончательно убедившись, что вместо великой цивилизации они получили растущее стадо дрессированных говорящих животных, которое вот-вот выйдет из-под контроля, плюс многочисленные эксцессы из-за проникновения оружия в среду не охваченных экспериментом дикарей, боги решаются на коренное изменение хода эксперимента.

Новое видение всплывает перед моим внутренним взором – на обширном острове строится новый город. Да, на острове, это позволит оградить от массы дикарей обитателей города и заодно свести к минимуму утечку артефактов. Снова сверкающие купола и сады, но начинка уже иная. Раз дикари в массе покуда не готовы воспринять свет знания, следует провести селекцию и выделить из среды аборигенов тех, кто способен. Если этого недостаточно, то подправить генетику дикарей. А что? Немного, совсем чуть-чуть...

«Вот, Рома. Это шаг, после которого вообще нет возврата. Если до того имела место попытка внедрить чуждую культуру в среду аборигенов, то теперь, по сути, создаются искус-

ственно новые существа. Которые в итоге вытеснят аборигенов как вид, если им не мешать. То есть эффект будет тот же, как если бы с самого начала уничтожить данный вид разумных».

А в садах Атлантиды уже неспешно гуляют мыслители и философы. Юркий робот-уборщик прибирает аллею, над сонным городом летит изящный аппарат, чем-то напоминающий ладью – обитателям Атлантиды изначально обеспечен весьма высокий старт. Во-первых, не пристало мыслителям сажать батат и торчать у станков, а во-вторых, время, время поджигает! Уж сколько длится эксперимент, и ничего, кроме головной боли, покуда...

Я вглядываюсь в приближающихся философов. Гладкие, точёные лица, огромные прекрасные очи... Генетически модифицированные, практически бессмертные существа, избавленные от старения и рака и прочих генетически обусловленных недугов... Вот только кончики ушей заострились, ну да это совсем нестрашный побочный эффект.

Между тем в оставленных богами городах жизнь активно исправляет допущенные пришельцами-цивилизаторами ошибки. Да, жизнь тут кипит. Всего одного-двух поколений оказывается достаточно, чтобы недозрелые аборигены избавились от навязанного свыше морального кодекса. Избавившись от пресса, граждане Утопии и Антиутопии заменяют нудные и малопонятные заповеди на простые и понятные дикарям законы. Параграф первый: «Я так хочу!». Параграф второй «Прав тот, кто сильнее». Вот и всё, и никаких проблем.

А служители богов, утратив с ними связь, по-прежнему воздевают к небесам руки, бормочут заученные слова-заклинания, ещё недавно бывшие звуковыми паролями для приведения в действие различных божественных систем.

Всплывают новые картины – горящие хижины, толпа голых связанных пленников на помосте... А чего такого? Ну наловили дикарей в горах... Кто-то же должен сажать батат и строить дома? Боги велели всем трудиться в поте лица своего, и кто не хочет работать на совесть, должен работать за страх!

Тлетворная деятельность Утопии и Антиутопии по распространению рабовладельческой заразы принимает такие масштабы, что встаёт вопрос о том, как прекратить вышедший из-под контроля эксперимент. В последней попытке образумить разгулявшихся учеников посылаются эмиссары, но тут выясняется – новые правители городов, обретшие неограниченную свободу, не собираются её отдавать. Аборигены показывают зубы, и припрятанные до поры артефакты обращают свою убойную силу против создателей.

И тогда две ослепительные вспышки кладут конец неудавшемуся опыту, и вздымающиеся в стратосферу колоссальные грибы потрясают воображение дикарей, живущих неподалёку от Проклятых городов, как их давно называют окрест, кладя начало мифу о Содоме и Гоморре.

А между тем время эксперимента истекает. Жители Атлантиды, избавленные от генетических недостатков прототипов, в духовном плане развиваются стремительно, ну, а в техническом им и стараться особо не нужно. Летательные аппараты атлантов и их экипажи порождают новые разнообразные толкования среди коренных аборигенов, по-прежнему пребывающих в состоянии перманентной и глубокой дикости. Впрочем, даже дикие аборигены уверенно отличаются этих новых полубогов от истинных богов – во-первых, настоящие боги от людей отличаются сильно, а эти очень похожи, разве что глаза да уши выдают, и бород у мужиков нету... Ну и вообще пожиже в магии будут ребята, сами себя называющие «сидхэ», хотя коренные аборигены окрестили их иначе...

А перед моим внутренним взором всплывает новый сюжет. Группа сидхэ в парадных одеяниях на аудиенции у богов-цивилизаторов. Мы глубоко уважаем вас, наши наставники, но позвольте вопрос – какого чёрта вы держите нас на этой дикой планете? Планета кишит дикарями, уничтожать их поголовно недопустимо, да мы и не собираемся изгаживать свои кристально чистые души подобными зверствами – пусть дикари вспарывают животы друг другу самостоятельно. Мы уже выросли из коротких штанишек и требуем соблюдения наших прав и свобод! Народ сидхэ имеет право жить так, как хочет! Короче, предоставьте нам звёздные

корабли и карту-схему живых планет, не достигших уровня разума, и будем считать инцидент исчерпанным. Мы найдём дорогу, не беспокойтесь. Мы свалим отсюда и заметём следы, как положено. И будем жить в Бессмертных Землях по своим законам, не оглядываясь на дикарей. Да, и на вас, наши дорогие наставники, и всякие обиды тут неуместны. Отказ в удовлетворении наших справедливых требований будет означать незаконное лишение свободы целого народа, мы не зря учили галактические законы!

И приходится наставникам скрепя сердце признать справедливость требований выросших подопечных. И вот уже гиперзвездолёты уносят остроухих в немыслимые дали, а над счастливым островом висят радужно переливающиеся полукилометровые блины. Усилия гравигенераторов, разнесённое по такой обширной площади, невелико – всего-то пара лишних процентов к стандартному g , но ведь масса огромного острова исчисляется несчитанными триллионами тонн... С тяжким гулом оседает остров, погружаясь в недра земные, вот «блины» уходят, сделав своё дело, и воды океана чудовищным валом сметают всё с поверхности, навсегда скрывая Атлантиду на морском дне.

«Погоди... постой...» – я искренне изумлён. – «Так всё и было?»

Сквозь слабеющий морок проступают черты моей жены, и я ощущаю – Ирочка устала.

«Так или не так, Рома, мы проверить не можем. Мы тогда ещё дикие фрукты ели и с летучими демонами сражались. И даже сэнсэи не умели ещё строить звёздные корабли. Так что это материалы, оставленные им в наследство прежним «клубом», давно ушедшим в Отрыв».

Морок рассеивается окончательно, оставляя в моей голове ощущение пустоты и тонкий звон. Лицо Ирочки чуть блестит от пота.

– Уфф... Всё, Рома, я больше не могу. Для первого раза хватит.

Она сползает с меня, садится по-турецки.

– Нет, всё-таки я не мама. Мама продержалась бы много дольше.

Я тоже сажусь, вплотную к жене. Глажу её, обнимаю руками и крыльями.

– Маленькая моя... Сколько мук из-за мужа-балбеса...

Её глаза близко-близко.

«Любимого мужа. Всевидящего. Лучшего из всех существ во Вселенной».

Долгий, тягучий поцелуй.

«Ира, Ир...»

– М-м? – она отвечает вслух.

«А что с ними случилось дальше? Ну, с эльфами...»

На сей раз Ирочка отвечает не сразу.

– Они и сейчас живы. Им здорово досталось, Рома. Представь домашних детей, балованных и изнеженных, выросших на всём готовом. И вдруг – чужой мир, глубоко враждебный. Да, Рома, это родная планета – мать для зародившегося вида разумных. Чужая всегда мачеха. Чужая биосфера не приемлет вторжения, борется с ним, пусть и бессознательно. Именно поэтому множество миров, населённых этими самыми сидхэ, до сих пор не ушли в Отрыв, хотя времени прошло предостаточно – борьба отнимает силы и сдерживает развитие. Однако они выжили и тем доказали своё право на полную самостоятельность. Вот только общаются они почти исключительно со своими мирами, населёнными сидхэ. Все другие виды разумных в упор не признают.

В глазах Ирочки мерцает огонь.

– Так часто бывает на Земле, Рома, – девушка, грубо изнасилованная в детстве, старается избегать любых интимных связей.

Я молчу, переваривая массив информации, внедрённый в мою голову. Между тем глаза моей ненаглядной уже стремительно меняют выражение, и в глубине их пляшет смех.

– Я устала, муж мой, и требую возмещения морального ущерба. Думаю, дальнейшие занятия будет удобнее перенести на диван.

– Погоди... постой... А как же Вселенский Закон Возмездия, а теория этих Кью-Миа, а прочее всё?

– А не лишку ли будет, муж мой? – переходит Ирочка на русский язык. – Я понимаю, Великий спящий, но Великий бредящий – это будет уже перебор. Дай мозгам остыть маленько. Моим, кстати, тоже.

– Как скажешь, о моя мудрая жена, – я улыбаюсь. – Тогда прошу! – я делаю приглашающий жест в направлении дивана.

В любимых глазищах бесится смех.

– А донести слабо?

Глава 5. Бережёного Бог бережёт

– ...Давай разберёмся, Биан. Ты теперь так и будешь держать меня на привязи? Из-за одного неясного видения?

Шеф вздыхает.

– Ну что ж, давай разберёмся. Что сказали тебе аналитики?

– Им нужно ещё раз увидеть тот мир. И звёздное небо в придачу.

– Ну это да, это само собой. Но меня интересует другой аспект. Скрытая угроза.

– Возможно, не большая, чем от перебежавшей через дорогу чёрной кошки.

Биан прищуривается. Да, он достаточно поработал на Земле и в курсе, что есть там такая обывательская примета.

– Просто так, Рома, даже эти самые кошки не бегают и летучие сони не летают. Я не люблю скрытых угроз, источник которых неясен. По-моему, ты уже достаточно подрос, чтобы понять – к собственным видениям следует относиться со всей серьёзностью. Твой труп никому не нужен. И ещё вопрос, только ли твой – мы ведь работаем в паре или даже группе.

– Хорошо, и что мне делать?

Вот теперь шеф рассержен.

– Тебе написать или как? Разумеется, разобраться и доложить. Найти источник и суть скрытой угрозы. Кстати, и звёздное небо увидеть тоже – так или иначе нужно идентифицировать обнаруженный мир. Всё, иди работай!

Я со вздохом отправляюсь на своё рабочее место. Что ж, шеф дал конкретное задание, и его необходимо конкретно сделать. Будем искать...

В конторе тихо, прохладно. Аина и Иол на Земле, расшивают трудности в Папуа. Уот у коллег из группы, работающей по Свиру, опытом делятся и вообще...

– Может, домой тебя отправить? – спрашивает вслух Биан. Я улыбаюсь.

– Дома теперь не работа. Там Мауна, с трудом сдерживаемая прабабушкой.

– Понятно.

Некоторое время я сижу на коврике, пытаюсь сосредоточиться. Всё-таки Аине и Биану с этим делом легче. Я хоть и Всевидающий, но, прошу заметить, на базе «Великого спящего», а не «грезящего». Что создаёт немалые трудности – одно дело контролировать поле внимания в сознании, совсем другое...

Хватит ныть, одёргиваю я сам себя. Итак, первое – сосредоточиться. Второе – уснуть, и притом правильно... Далее – вспомнить, куда направлялось моё поле внимания, когда меня посетило столь странное видение с пушехвостыми на крейсере... Вспомнить и проделать путь заново... Вспомнить можно, потому как мозг хранит всё, пусть и глубоко зарытое...

«Рома, не мучайся. Зачем у нас внешние помещения? Иди туда, ложись на живот и засыпай себе».

«Непременно на живот?»

«Ну так же удобнее, крылья не связаны».

«Да я привык на спине вообще-то...»

«Тут твоей Иоллы нету».

Да, Уин прав. Наиболее естественная поза для сна у ангелов лицом вниз, и вообще, пора обзавестись для работы подушкой...

Уин фыркает, уловив мою нехитрую идею. Угу, работка у меня порой – одно удовольствие.

Во внешнем помещении гуляет горячий ветер, свободно проникая через входной проём. Край тени медленно, почти незаметно ползёт ко мне. Совсем незаметно, если взглянуть мель-

ком. Но если смотреть неотрывно и пристально, становится заметно, как отступает тень, отдавая солнечному свету ворсинки ковра, одну за другой...

Я тряхнул головой – хватит философии! Полдень миновал, больше четверти рабочего времени ухлопал, а толку? Вон диаграммы неразобранные стоят... Значит, так – уснул, увидел, победил!

...Да, насчёт «победил» – это я смело. Полчаса лежания носом в пол ничего не дали – сон старательно избегал моих очей. Мысли в голове текли мягко, журча и переливаясь, как лесной ручей. Солнце отвоевало мои ноги у тени и теперь всю жарило их. Хорошо, что ангельская кожа не подвержена обгоранию, как, впрочем, и загару – бесцветный кожный пигмент поглощает ультрафиолет... о чём, ну о чём я думаю?! Работничек... Может, правда, заняться диаграммами?

Стена-дверь расходится, и в моё убежище философа входит Биан, держа в руках корзинку и авоську.

– Рома, будь добр, сгоняй в лесок. Так розовых грибов охота, и вообще, перекусим...

– Да, шеф! – я поднимаюсь с пола. Он прав, на сегодня это будет хоть какая-то польза от моего пребывания на работе.

– Знаешь, где легче всего найти? У Изумрудного ручья.

– Это далеко...

– Зато надёжно, ибо наши славные аналитики туда не добрались. И грибы там самые вкусные. Да не ленись!

– Лечу, шеф!

Я выпархиваю наружу, в сияющий послеполуденный зной. Впрочем, на лету ветер скрадывает жару, особенно если не лениться и подняться повыше. Что я и сделал, используя первый же восходящий поток.

«Ира, Ир...»

«Ау, любимый!»

В груди сразу становится тепло и щекотно. Ведь это всё про меня, ага...

Бесплотный шелестящий смех.

«Похвалить тебя ещё?»

«Можно. Я просто так вообще-то...»

«И не просто так, а спросить, чем я занимаюсь, и пожаловаться на бессонницу. Я не права?»

«Права, как всегда. Я знал, на что шёл, когда женился на потомственной телепатке».

Снова бесплотный смех.

«Ладно, Рома, не переживай. Отвечаю на невысказанные вопросы. Бессонница у тебя временная, поскольку ты не можешь найти выход на нужные файлы в Едином энергоинформационном поле Вселенной. Но процесс запущен, и как только, так сразу».

«Твои бы слова да Создателю в уши».

Опять смех.

«У него полно других дел, кроме как слушать какую-то крылатую-пернатую. Второй вопрос ещё проще – сижу тут, разбираюсь со схемами взаимодействия разных «клубов». Голова пухнет, устала, хочу к мужу и дочери. Вот».

Мне тепло и щекотно.

«Скоро, совсем скоро, маленькая моя. Каких-то пять часов».

«Целых пять!»

Между тем Изумрудный ручей уже почти подо мной. Шесть вёрст пролетел незаметно.

«Мне шеф велел грибы собирать. Больше никакого толку от меня сегодня».

Шелестящий смех.

«Всё предыдущее ерунда. Но если ты не справишься и с этим заданием, то покроешь себя неизбывным позором».

«Ух ты и ехидная!»

«А ещё я красивая и умная, как говорит наша дочь. Всё, давай уже будем работать!»

Я ввинчиваюсь в штопор. Вот поговорил, и сразу светло и радостно на душе... А синий ковёр джунглей уже несётся навстречу. Ух, здорово!

И откуда-то из глубины всплыло: «вошедшему в штопор помочь может только он сам»... Ангельские поговорки всё-таки заметно отличаются от человеческих.

Ветви деревьев шумят над головой, джунгли пересвистываются, щебечут и поют на разные голоса, и сквозь эти звуки едва пробивается тихое журчание ручья. Какой-то энтузиаст выложил чашу родника крупными, с кулак, изумрудами, вследствие чего, очевидно, ручеек и приобрёл своё имя – Изумрудный. Должно быть, в полдень, когда неистовые потоки солнечного света проникают под полог леса, эти изумруды необычайно красиво сверкают и разбрасывают кругом острые колкие лучики. Однако сейчас день клонится к вечеру, и косые солнечные лучи не в силах пробить буйную массу растительности, отчего внизу копится предвечерняя тень, готовая незаметно перейти в полусумрак.

Высокие деревья скрадывают очертания жилых башен, и хотя до ближайшей из них метров триста, кажется, будто вокруг на десять часов полёта ни души. Меня до сих пор изумляет вот это ощущение нетронутости, девственного леса рядом с домами-высотками. Если не лететь, а идти пешком, можно обнаружить башню, лишь подойдя вплотную, шагов на тридцать. И живут на нижних этажах те, кто любит мягкий рассеянный свет, и чтобы ветви деревьев качались перед взором, будто живёшь в самой гуще леса... Есть, говорят, даже любители такого, чтобы ветви просовывались во входной проём, для полноты ощущения – есть такие башни, где деревья растут у самых стен. И из дому такие любители вылетают с крыши, поднявшись на лифте. А то и лазают по ветвям...

Я замечаю наконец друзу розовых грибов, отрываю их и кладу в корзинку. А вот ещё... Да, Биан прав, богато тут насчёт грибов. Вообще, затариваться провизией в райских плодовых джунглях много интереснее, чем в каком-нибудь земном супермаркете. Там скучная рутина – иди вдоль полок да клади себе в тележку... Тут совсем другое дело, присутствует азарт первобытного охотника. Хочешь розовых грибов? Пожалуйста! Некусая желаешь? Нет проблем! Ищущий да обрящет...

Рядом со мной сочно шлёпается перезревший плод, здорово напоминающий неприличных размеров персик. Чешуйчатый шар, висющий на ветке метрах в шести над землёй, зашевелился, явив моему взору пуговку носа и большие чёрные глаза. Ночной садовник заинтересованно принохивается, явно размышляя – не следует ли прервать отдых досрочно и спуститься вниз для трапезы? Однако лень перебарывает покуда несильный голод, и животное вновь сворачивается в клубок – чай, не убежит, и вообще не последний фрукт в лесу, лучше ещё вздремнуть...

Как здесь хорошо! Рай, он и есть Рай... Целый мир, устроенный для души. Я теперь очень хорошо понимаю, почему все ангельские миссии укрыты в лесах. Не только ради конспирации – в конце концов, среди диких скал где-нибудь в сердце Сахары можно замаскироваться не хуже. И даже в степи, плоской, как стол, можно соорудить подземные укрытия. Но надолго ли хватит душевных сил у сотрудников миссии? Это люди в невежестве своём полагают, что среда не имеет значения. Еда, работа, развлечения – что ещё нужно? И не понимают, глупые, что агрессивная среда калечит их души.

Перед глазами встаёт: гигантская короста мегаполиса, окружённая морем рифлёного сверкающего железа – так выглядят с высоты теплицы для производства кормовой биомассы. Да, на Оплоте Истинного Разума природы нет давным-давно, только окружающая среда. Вот

и ещё проблема – где там можно укрыться и как там вообще возможно жить и работать? Где черпать душевные силы? Да там от одних пейзажей с ума сойти можно!

Я вздыхаю. Нет, определённо сегодня я годен только на поиск розовых грибов, никак не таинственных цивилизаций. Растекаюсь мыслию по древу...

Однако, пожалуй, хватит, прикидываю я на вес корзинку с грибами и авоську с фруктами. Эх, всё забываю про древесную дыню... Впрочем, руки заняты, не под мышкой же тащить. И вообще, тут на всех коллег до самого утра хватит.

Тени под деревьями становятся гуще, прозрачной кисеей наползает откуда-то туман – вечер наступает стремительно. Я ставлю поклажу на плоский камень, напиваюсь на дорожку из выложенной изумрудами чаши родника. Ключевая водица не ломит зубы, как на моей прародине, она лишь чуть прохладная. Первое время мне было непривычно, пока я не сообразил – откуда тут взяться студёной воде, когда круглый год жарко, и даже ночи всегда тёплые? Тут даже океаны прогреты до самого дна, а не как на Земле – сверху тонкая плёночка тепла, а под ней бездонная толща ледяной воды.

Я присел на камень рядом с корзинкой, разглядывая, как в чаше родника пляшут крупные песчинки. Вот. Вот оно. Вся человечья цивилизация – такая же плёночка над толщей дикости. И как любая встряска планеты может выбросить на поверхность многовековые запасы океанского холода, кладя начало новому ледниковому периоду, так и любой толчок может обернуться для людей веками нового средневековья.

Как же прогреть вас до самого дна, люди?

И возможно ли вообще растопить Антарктиду «зелёных»?

На этом месте мои гениальные мысли были грубо прерваны. Окончательно оголодавший ночной садовник спустился наконец с дерева и заинтересованно лезет в мои припасы.

– Э! Э! Зверь, это не тебе! – я решительно отнимаю у животного свою добычу. Садовник разочарованно фыркает – поду-умаешь, набрал недозрелой зелени, да ещё и жадничает... Где-то тут валялся «персик», как помнится...

И только тут я замечаю, что даже мои ангельские глаза уже не в силах разглядеть пляшущие на дне источника песчинки. Блин горелый, сейчас стемнеет мигом!

И поскольку с грузом взлететь с крохотной полянки при роднике невозможно, я начинаю карабкаться на дерево, как типичная земная макака, держа корзинку с розовыми грибами в зубах, плюс в левой ноге авоську с фруктами. Оставшиеся три конечности обеспечивают мне довольно уверенный подъём, и вот я уже срываюсь с верхушки кроны, ловя встречный ветер и отчаянно молотя крыльями. Земля проваливается вниз, я на лету перехватываю в руку авоську, выравнивая балансировку. Нет, определённо я научился неслабо летать.

«Ау, любимый! Я закончила работу, а ты как?»

«Задание выполнено! А ты сомневалась?»

«Лучше поздно, чем никогда, – врывается в наш семейный диалог шелестящий смех. – Извини, Рома, это Уин. Я не хотел перебивать ход твоих мыслей у ручья. Но очень уж кушать хочется».

«Присоединяюсь», – и я догадываюсь, что это Биан.

«Ребята, сейчас я вас спасу от голодной смерти!»

– Ага, поймала, поймала!

Нечаянная Радость трепыхается в крепких ручках Мауны-младшей, криками выражая своё возмущение свершившимся коварством. Действительно, на сей раз для поимки летучей сони была применена военная хитрость – доча запустила летающий мячик, отвлекший внимание зверюшки, и вот результат... Так-то, зверюха. Уже не под силу тебе тягаться умом и сообразительностью с маленьким ангелом.

Сегодня мы опять отдыхаем всей семьёй. Собственно, отдыхаем мы с Ирочкой, возлежа рядышком в северной, тенистой комнате, любуясь видами сквозь ячейки сетки. Мауна и Нечаянная Радость заняты подвижными играми.

– Папа, а почему мячик без крыльев, а летает? – спрашивает дочура, прижимая к себе и успокаивая зверюшку.

– Ну... – я застигнут врасплох. – Антигравитация...

– Внутри?

– Ну да...

«Давай-давай, заливай ребёнку, – в глазах жены смешливые огоньки. – А как происходит перемещение по нужной траектории? М-м?»

– Папа не прав? – улавливает Мауна, не забывая цепко удерживать зверюшку.

– Ну, не то чтобы совсем не прав... – смеётся моя ненаглядная. – Доча, я же вижу все твои мысли. Уверю тебя, если ты втихую разрежешь мячик, чтобы съесть антигравитацию и научиться летать без крыльев, ничего не выйдет. Мячик испортится, твой прапрадедушка обидится, что ты так обошлась с его подарком, и больше тебе ничего дарить не будет. Тебе это надо?

– Нет... – грустно вздыхает Мауна. – Этого мне не надо. Я хочу летать.

Она отпускает Нечаянную Радость, и зверюшка вспархивает на настенную икебану.

– Все могут летать. Одна я не могу. – Я чувствую, что дочь сейчас разревётся.

– Ну-ка, иди сюда, – жена сдвигается чуть в сторону.

Эмоции Мауны смещаются в положительную сторону. Она решительно размещается между папой и мамой, и Ирочка бесшумно накрывает всю компанию одним крылом. Нам всем тепло и уютно.

– Когда я была маленькая, как ты сейчас, я тоже очень хотела летать, – вздыхает жена. – Придётся тебе потерпеть, Мауна. Поверь, это совсем не так долго, три года...

– Целых три года! – дочура округляет глаза. – Вам хорошо говорить, вы уже ого-го сколько живёте!

– Ну ничего... – Ирочка гладит дочку, целует. – И ты будешь ого-го сколько жить, и ещё сверх того много-много... и все мы будем...

Она говорит по-ангельски, таким изумительным ласково-воркующим голосом, каким ни с кем больше не разговаривает, даже со мной. Этот голос появился у неё только после рождения Мауны и существует только для Мауны...

«Рома, и о чём ты думаешь в столь ответственный момент? А ну, немедленно начинай хвалить дочь!» – в глазах моей ненаглядной бесится смех.

«Я готов!» – встряхиваюсь я.

– Вы обе самые красивые у меня! – святую правду вообще говорить в лицо легко и приятно.

– А кто красивее? – спрашивает дочура, нежась под двумя парами любящих рук.

– Ну-у... Мама, конечно, крупнее. И некоторые места у неё пока что крепче, – для пущей убедительности я похлопываю жену по наиболее крепким местам. – Но ты всё же красивее, доча.

– Да-а... – лепечет вконец разнежившаяся дочура. – У мамы такие крылья... красивые... большие...

– Так и у тебя скоро будут! – совершенно искренне говорю я. – Три года, это же тьфу! Ты уже больше прожила!

«Рома, Иолла, Мауна, здесь Уэф. Можно посетить ваше жилище?»

– Деда! – дочь вскакивает, как пружинка, выскальзывает из-под маминого крыла. – Можно, деда, можно! Мама-папа совсем даже не занимаются сексом!

– А чем же они в таком случае занимаются? – в фиолетовых глазах Уэфа, возникшего прямо в центре комнаты, тлеют насмешливые огоньки.

– Они занимаются моим воспитанием! Хвалят меня и ласкают, вот! – докладывает деду внучка.

– Доброе дело! – одобрительно говорит дед, поудобнее размещаясь на вырезанном видео-техникой круге ковра, только цветом отличающегося от нашего домашнего. – Ну здравствуйте, мои родные!

– Здравствуй, папа! – хором говорим мы с Ирочкой, садясь по-турецки, рядышком, как примерные детишки. Смеёмся все трое.

– А где бабушка? – ревниво спрашивает малышка.

Уэф огорчённо разводит руками, вздыхает.

– Не успела. Но вы не расстраивайтесь, минут через десять она закончит, и я вас соединю. Она в Крыму сейчас, вместе с Иого, – это уже нам с Ирочкой.

– Значит, всё-таки решили? – жена блестит глазами. – Именно в Крыму? Кавказ рядом...

– Всё же в Крыму, – вздыхает Уэф. – Конечно, с маскировкой подлинная головная боль, туристы кишат летом... Однако база должна всё же находиться в своей зоне ответственности. На Кавказе своя, а на Украине теперь своя будет. Ну ничего, там в этих горах, которые яйлами кличут, ещё есть вполне укромные места.

Уэф помолчал.

– Вообще-то давно пора выделить было. Не Советский Союз, там теперь такая головная боль...

– Иого координатором? – спрашивает Ирочка. – Как же ты без него?

– А он и так последнее время почти всё время в тех местах обитает, – усмехается папа Уэф. – Так вот и пусть берёт и работает официально, со своим штатом... Пойдёшь ко мне, дочка? – внезапно спрашивает он.

– Вместо Иого? – Ирочка блестит глазами, и я ощущаю её чувства: желание, озабоченность и опаску. – Замшей у тебя, угу... Ты меня в тугую спираль завьёшь, папа.

– Не будешь справляться, так и завью, – кивает Уэф. – Да не бойся, в рядовые оперсотрудники всегда перейдёшь, если не осилишь.

– Я не о личной карьере в первую очередь пекусь, папа, и ты это знаешь. – Ирочка даже крыльями встряхивает. – Я подставить вас боюсь. Короче, я ничего пока не скажу. Мне нужен разбег.

– Хорошо, разбег так разбег... – снова вздыхает папа Уэф. – А когда-то ты любила с места...

– Молодая была, глупая, – отрезает Ирочка, и мы снова смеёмся. – Впрочем, так и так ведь это не мгновенно?

– Да, конечно, – кивает Уэф. – Место выбрать, зал сформировать да телепорт вырастить, а это не шутка...

– Кристалл-зародыш доставили?

– Нет пока, зачем? Место сперва... Да, не пришлось бы в пещерах жить Иого. Имитацию пещерного города делать. Будет как «зелёные»... Да пока наберёт персонал, да зрителя найти, да агентов влияния, да исполнителей, да пока осwoятся... Так что время для разбега у тебя есть, Иолла. Как раз Мауна отправится в Первый полёт.

– Деда, а у меня крылышки ещё выросли! – наскучив умными разговорами взрослых, дочура поворачивается спиной к деду, разворачивая свои культяпки.

– Ого, какие! – Уэф явно восхищён. – А ну-ка, ну-ка... Да они у тебя до колен скоро достанут!

Довольная дочура тянет розовые культяпки, и тут я замечаю – они и в самом деле легко достигают низа ягодич. Растут, однако, действительно растут... Ангельские крылья, в отли-

чие от неуклюжих окостенелых крыльев земных птиц, имеют подвижные пальцы, позволяющие подворачивать длинные маховые перья внутрь, иначе при таком размахе крылышек перья только что по земле бы не мели. И сейчас Мауна всю демонстрирует нам сложную конструкцию, чем-то напоминающую складной японский зонтик.

– А вот и бабушка! – дочура прыгает на месте.

– Здравствуйте, дети! Здравствуй, внучка! – глаза Мауны-старшей прямо-таки лучатся теплом. Мауна-младшая вертится юлой от восторга.

– А меня в компанию примете? – гудит дед Иваныч, вдвигаясь в поле изображения, словно осадная башня. – Здравствуй, Иришка, здравствуй, Рома! И ты здравствуй, егоза!

Я улавливаю – Иваныч сейчас на своём кордоне. А мама Маша в Крыму, стало быть... Классная всё же штука ангельская видеосвязь.

Мауна-младшая прекращает верчение, даже губки раскрыла от впечатляющего зрелища. В этот момент Нечаянная Радость срывается со своей икебаны и с писком улетает прочь. Да, зверюшка уже усвоила, что часть гостей в доме бывают фальшивыми, и пытаться садиться им на голову бесполезно. Но на образ деда Иваныча она всегда реагирует довольно нервно. Оно и верно, чтобы такое чудовище прямо в дом впёрлось, тут никаких нервов не хватит!

– Человеческий дед Иваныч, ты же добрый? – правильным и ясным русским языком вопрошает дочура.

– Вот бабушка твоя говорит, что да, – улыбается в бороду человеческий дед Иваныч.

– А почему тогда ты такой огромный и страшный? – снова спрашивает Мауна-младшая. Мы все хохочем, и сам Иваныч ухает филином.

– Раз добрый, должен быть красивый, – убеждённо заявляет дочура.

– Врождённые генетические дефекты, Машутка, – разводит руками человеческий дед.

– Это пустяки, – безапелляционно заявляет Мауна-младшая. – Вот бабушка поставит тебе укол в попу, положит в витализатор, и ты сразу станешь красивым, как папа стал. И с крылышками!

– О-ой, не могу! – стонет Ирочка, привалясь ко мне.

– А раз ты добрый, тогда покажи мне собаку Казбека и ещё лошадь. И кота, и ворону ещё! У тебя есть, – делает следующий логический ход дочура.

– Ну, сейчас попробуем всех сыскать, – поднимается с лавки дед Иваныч. – Только давай перейдём в другую комнату, чтобы не мешать взрослым разговорам, ага?

Иваныч увлекает Мауну-младшую в соседнее помещение, дабы там предъявить подлинные доказательства своей доброты. Я провожаю дочь взглядом. Разумеется, собака, лошадь да сверх того кот и ворона – это вовсе не так мало. Всё вместе это позволит человеческому деду Иванычу продержаться минут двадцать.

– Пойдём-ка, дочка, – говорит Мауна-старшая. – У нас свой разговор будет, для мужчин практической ценности не имеющий. А Уэфу есть что сказать Роме.

И вот я остаюсь один на один с папой Уэфом.

– Нам действительно есть о чём переговорить, Рома, – говорит Уэф. – Что ты думаешь насчёт своего видения? Очень странного, кстати...

– Да ничего не думаю, – честно признаюсь я. – Аналитики пока думают. Для моих же мозгов информации недостаточно, чтобы начать думать что-то связанное.

– Ой, не скажи... На аналитиков надейся, да сам не плошай, – выдаёт свой вариант известной человечей поговорки Уэф. – Всё это как-то связано с тем, что ты задумал.

– С «зелёными»? – я изумлён. – Каким образом?

– Этого я не смог увидеть, – он смотрит прямо мне в глаза. – Это не просчитывается. Увидеть можешь только ты сам. Увидеть и понять.

Я размышляю.

– Вот и Биан мне тоже, насчёт «скрытой угрозы»...

– Биан не зря ест свои фрукты-орехи, Рома.

Глава 6. Порог вмешательства

– Привет тебе, о изумительная!

Действительно, наша наставница сегодня выглядит ещё эффектней, чем в прошлый раз. Ногти на руках и ногах вспыхивают радужными искрами, на шее ожерелье с дымчато-янтарным туманом, переливающимся внутри крупных бусин, и сквозь туман то и дело просвечивают алые всполохи. Довершают наряд серёжки, что-то совершенно космическое...

Я невольно улыбаюсь про себя. Легко быть модной дамой, когда на тебя намотано с десяток погонных метров тканей, а попробуй-ка выглядеть стильно в полном неглиже, да без всякой косметики! Однако женщины в таком деле, как мода, не знают преград...

– Привет, о Великий Спящий! – в глазах наставницы зажигаются чуть иронические огоньки. – Готов к подвигу?

– Обязательно!

– Так сверши его! Вопрос первый...

Я отвечаю чётко, легко и свободно. Что бы я делал без своей мудрой жены... Грибы собирал, не более того.

– Не так грубо, но доля истины в сём присутствует, – улавливает наставница. – Что же, я рада, Победивший бурю, что ты усвоил материал. У кого возникли за время размышления вопросы? Нет? Хорошо, тогда перейдём к следующей теме – Допустимый Порог Вмешательства.

Вспыхивает виртуальный экран.

...Да, то, что показала мне Ирочка, это эксцесс, исключение из правил. Потому что давным-давно уже выработаны всеобщие правила игры, именуемые Порог Вмешательства. Для миров «нулевого уровня» они означают строгий заповедный режим.

Всё просто – в системе, где зреет в колыбели новая цивилизация, запускаются под видом крохотных астероидов (если точнее, просто крупных глыб) зонды, следящие за пространством. Характерные оптические и гравитационные эффекты от выхода гиперзвездолёта в реал они засекут за миллиарды километров – это ангельские зонды, а могут быть и покруче. И вслед за нарушителем в заповедник явится егерь – боевой звездолёт той цивилизации, чьему попечению доверена данная колыбель. Если учесть, что нарушают вселенские законы главным образом по неведению, притом только те ребята, что недавно вышли в дальний космос, нарушители обычно ведут себя очень смирно – вероятно, так вёл бы себя Колумб, если бы у берегов новооткрытой Эспаньолы его каравеллы встретил современный эсминец или даже авианосец.

На экране мелькают кадры – корявый и громоздкий аппарат со множеством выступов, похожий на слегка сплюснутую морскую мину, неспешно движется к сияющей точно по курсу голубой планетке, почти неразличимой среди звёзд. Она ещё очень далеко, цель путешествия – точка выхода отстоит на несколько миллиардов километров. Но главное, прошли, ведь мы же прошли! Прогнали через бездну, из которой нет возврата...

Я усмехаюсь: торчащие далеко за пределы корпуса рога «мины» – очевидно, архаические «сворачиватели пространства» – отражают степень страха создателей корабля, готовых на любой расход энергии, лишь бы держать ужасное «ничто» подальше от корпуса звездолёта. И никакой маскировки, естественно – какая маскировка, когда вокруг немереные вёрсты абсолютной пустоты? Глупо!

И невдомёк отважным покорителям звёзд, что об их присутствии в заповеднике уже известно кому следует. И звездолёт хранителей заповедника уже готовится к прыжку, дабы выяснить, с какими такими намерениями явились гости.

Точка обзора рывком переносится внутрь корабля. В глубоких креслах сидят существа, весьма напоминающие йети, как их любят изображать люди на студии Диснея – только лицо и

пальцы рук лишены густого мехового покрова. Да ещё острые рысьи уши с кисточками портят каноническую картину.

«Эти ребята давно ушли в Отрыв, – улавливаю я мысль кого-то из коллег. – Это старинная запись, доставшаяся сэнсэям в Послании Молодым».

А на экране уже кружится бок планеты – корабль «йети» одолел черепашим ходом последний отрезок героического путешествия. Месяц ползли, наверное... Рысьи уши нервно шевелятся, зоркие глаза всматриваются в корабельные экраны. Они уже выяснили, что планета молчит в радиодиапазоне, и незамутнённая атмосфера вкуче с девственными лесами указывает на отсутствие цивилизации. И потому «йети» без особых затей выходят на низкую околополярную орбиту – так удобнее изучать новооткрытый мир. О том, что их неуклюжую кастрюлю видно с поверхности планеты невооружённым глазом, экипаж не беспокоится – очевидно, производимое на аборигенов впечатление, буде таковые имеются, ребят не особо интересует.

Точка обзора скачком отодвигается от планеты. На орбите, гораздо более высокой, нежели выбранная «йети», находится нечто, весьма напоминающее голограмму светила в условных цветах – с «солнечными пятнами», протуберанцами и короной. Внутри «голограммы» просвечивает огромная капля ртути, другого образа не подобрать. Разумеется, этот звездолёт виден только нам, зрителям, но никак не экипажу кастрюли, безмятежно и нахально нарушающей Порог. Но даже полному профану ясна разница между настоящим кораблём и примитивной каравеллой.

Да, «йети» уже ступили одной ногой на Порог, явив в небесах свой аппарат – впрочем, для невооружённого глаза человека он предстал бы просто крохотным пятнышком. Поэтому хранители пока молчат, ждут дальнейшего развития событий – возможно, ребята не зайдут чересчур далеко?

Снуют над поверхностью быстрокрылые аппараты, берут пробы воздуха, воды и грунта. Экипаж в поте лица исследует чужой мир... ага, решились!

От рогатой кастрюли отделяется кастрюлька поменьше – спускаемый аппарат с экипажем на борту. Слава Создателю, по крайней мере за ним не наблюдается инверсионного следа – значит, йети овладели гравитационным торможением. Ну точно – кастрюлька зависает над грунтом, как будто опасливо пробует почву чужой планеты ногой...

А от звездолёта хранителей отделяется маленькая капелька ртути. Совсем маленькая, чтобы не напугать «йети» внезапным появлением. С огромным ускорением она устремляется к движущейся по своей орбите кастрюле, догоняет, уравнивает скорость...

На борту кастрюли замешательство на грани паники. Отрывисто рывкает ревун, натужно воет сирена, экипаж быстро и заученно занимает места согласно аварийному расписанию. Капитан орудует на пульте, и из недр кастрюли выдвигается нечто длинное и решетчатое – похоже, излучатель чего-то весьма жёсткого... Не зря, ой, не зря гениальные создатели корабля установили это орудие, при том, что важен каждый грамм!

Я вдруг отчётливо понимаю, что если сейчас капитан кастрюли нажмёт белую кнопку на рукояти джойстика, посредством которого наводит на цель свою бандуру, данная планетная система надолго закроется для этих вот конкретно «йети». Лиловая вспышка аннигилятора положит конец экспедиции, и следующие подобные аппараты будут уничтожать вскоре после выхода, без всякого предупреждения. Террористам и психопатам не место на звёздных путях.

Маленький робот-парламентёр между тем зажигает прямо в вакууме голографическую картинку – огромная неуклюжая кастрюля покорно следует за крохотной каплей ртути. Вот корабль гостей уходит в сторону от предлагаемого маршрута и тут же исчезает в лиловой вспышке. Мультфильм изложен настолько доходчиво, что капитан «йети» поспешно прикрывает крышечку над белой кнопкой. Вот так вот, ребята, а вы говорите: «царь, царь...»

– Таким образом, Порог Вмешательства для нулевого уровня равен нулю, – подводит итог наша преподавательница. – Заповедный режим сохраняется для подконтрольного мира

нулевого уровня в течение всего срока созревания. За это время хранители могут смениться не один раз, поскольку срок существования развитой технической цивилизации звёздного уровня много меньше, чем время «нулевого цикла». Процедура передачи созревающего разума от одних хранителей к другим довольно сложна и будет рассматриваться на отдельных занятиях. Сейчас же мы рассмотрим следующий уровень – первый, или уровень первично-варварской цивилизации.

И вспыхивает на экране новый сюжет.

...Рушатся стены, сложенные из сырцового кирпича, не выдерживая неистового жара, и пламя вздымается до самого неба. Скачут всадники, размахивая кистенями, тут и там валяются трупы... Ниневия разрушена, кто станет жалеть о ней?

Я вздыхаю. Этот фильм я уже видел, когда обучался на оперсотрудника. И нет никаких сомнений, почему для демонстрации выбрали именно Землю. Самый сложный пациент, к тому же находящийся непосредственно под нашей ангельской опекой...

– ...Передача таких миров новым контролёрам – обратите внимание, уже не просто наблюдателям! – тоже возможна теоретически, но на практике осуществляется редко, – продолжает лекцию Юайя. – Кто знает, почему?

Я усмехаюсь. Ясно почему... Кто не поднялся за несколько тысяч лет, тот не поднимется вовсе. Тугая петля инферно будет сжимать застрявшую на подъёме цивилизацию, и по мере истощения доступных ресурсов – а дикарям нужно уже довольно много и притом легко доступных ресурсов – шансы выбраться будут всё более призрачными.

– Можно вопрос? – неожиданно для себя спрашиваю я.

– Говори, Победивший Бурю, – отвлекается наставница.

– Как долго может продолжаться висение и чем обычно заканчивается?

Юайя смотрит внимательно.

– Спасибо, Ди. Это очень хороший вопрос. Умирание разумных, зависших на уровне железного века, может длиться сотни тысяч лет. Проследить судьбу подобных безнадёжно-инфернальных миров очень трудно, поскольку за этот срок в Отрыв уйдут десятки поколений цивилизаций. Кроме того, их обычно вообще снимают с контроля, ввиду бесперспективности. Но по крайней мере один случай известен.

На этот раз экран загорается не сразу – очевидно, даже могучему ангельскому серверу не вдруг удалось найти нужный файл.

...Обширная равнина, поросшая кустарником и пучками жёсткой травы. По равнине бредут дикари, вооруженные палками, женщины тащат детей... Какие они мелкие, вдруг понимаю я, меньше даже Истинно Разумных... Вот уж точно земные мартышки, даже хвосты похожи.

– Их обнаружила довольно давно одна из уже ушедших в Отрыв цивилизаций, – преподавательница вертит в руках световую указку. – Сразу же бросилась в глаза неестественная бедность сухопутной флоры и фауны, при том, что в море жизнь просто кишела разнообразием. А потом были найдены следы городов возрастом более миллиона лет.

Меня пробирает дрожь.

– Может, те города принадлежали не им? – подаёт голос одна из стажёрок.

Наставница вздыхает.

– В руинах найдены скелеты очень похожих существ, только значительно крупнее. Генетический анализ показал, что это предки вот этих... А потом в древнейших архивах нашли материалы, из которых следовало, что бездну лет назад на планете существовала мощная рабовладельческая цивилизация.

Она помолчала.

– Очевидно, всё шло постепенно и незаметно. Войны, голод, великие переселения, великие империи, распадавшиеся и возникавшие вновь... И с каждым тысячелетием всё труднее было добывать железо – легкодоступные руды исчерпывались, а строить глубокие шахты дика-

рям не под силу. К тому же основой пропитания у них были некие чрезвычайно неразборчивые в пище черепахи – этот вид **бывших** разумных хищный – которые в итоге и превратили ландшафты в такую вот пустыню. А потом камень стал вытеснять железо, и в последних войнах последние империи развалились, чтобы больше никогда не возродиться. В последовавшем затем хаосе были вырезаны черепахи, и скотоводству пришёл конец. Ещё немного, и секрет выделки железа был полностью утерян. Так наступил вторичный каменный век, с той только разницей, что на ограбленной дочиста планете из дичи остались мелкие грызуны. А дальше начал действовать простой животный отбор, постепенно подгоняя размер хищника под оптимальный для подобной дичи. Выживали в основном менее крупные и наиболее юркие особи, и средний рост аборигенов из поколения в поколение начал снижаться. А слишком крупная голова непозволительная роскошь для мелкого существа...

Вот теперь мне страшно по-настоящему. И я чувствую, не мне одному.

– ...Они тогда ещё умели добывать огонь, но речь уже была скудной. Пара сотен слов, не больше.

– Значит ли это, что они обречены утратить разум? – вновь не выдерживает та же девушка.

– Именно так, Кью, спасибо за понимание. Мелкие, многочисленные и достаточно разумные хищники буквально давят остатки биосферы, не позволяя ей начать восстановление – никакие неразумные животные не в силах противостоять разумным. Единственный выход – это полная утрата бесперспективным видом разума. Они будут мельчать и охотиться на всё более мелких грызунов – поскольку более крупные будут съедены. И только когда они утратят связную речь и способность владеть огнём, превратившись в обыкновенных хищных животных, этот истерзанный мир начнёт новое долгое восхождение, длиной в десятки миллионов лет.

Преподавательница смотрит на меня.

«Я вижу, о чём ты думаешь, Ди. Разумеется, Земле в целом было далеко до такого сценария. Однако есть на твоей прародине такой остров, Рапа-Нуи, или остров Пасхи... Когда первые лодки переселенцев достигли его, остров покрывали цветущие джунгли. А когда его открыли европейцы, уцелевшие обитатели Рапа-Нуи прятались в расщелинах голых скал, питаясь птичьими яйцами и друг другом. Даже огонь развести стало там проблемой, настолько был опустошён остров. Так что ничего нереального в таком развитии событий нет. Планета – тот же остров, только очень большой, и потому всё это дело происходит медленнее».

Все подавленно молчат, и я без труда ощущаю мысли и чувства моих товарищей. Как это страшно...

– Да, страшно, – без улыбки соглашается наша наставница. – Однако подобный исход встречается всё же редко. Это же «детская смерть» для разумных, по сути. Слишком неудачно всё должно сложиться для этого. Нет, «детская смертность» разума, к счастью, невелика. Гораздо чаще молодые миры гибнут всё же не так. Они гибнут уже на стадии перехода к развитой технической цивилизации. Ядерный барьер один из самых серьёзных.

И темой нашего следующего занятия будет именно это.

«А вот не догонишь!»

«А вот догоню!»

Я улыбаюсь так широко, как только это позволяет мой изящный ангельский ротик. Уже не счесть, сколько раз происходила подобная беседа. Разумеется, я её не догоню – моё довольно значительное превосходство в живом весе исключает такую возможность. Однако это вовсе не значит, что победа должна доставаться моей жёнушке даром.

«Сдавайся, о несчастная!»

«Кто сказал? Я счастливая!»

Ирочка резко сваливается на крыло, явно провоцируя меня на сходный манёвр, но я не поддаюсь – сколько раз уже ловился, на выходе из пике и крутом подъёме моя ненаглядная легко оторвётся от преследования. Вместо этого я намеренно отстаю, дабы перехватить супругу на подъёме...

«Самый хитрый, да?»

«Ну, не самый... Но хитрый!»

Ирочка звонко хохочет, и её смех разносится по всему бескрайнему небу.

«А вот так, муж мой?»

Она складывает крылья и стремительно падает вниз, подобно птице соколу на далёкой, страшно далёкой отсюда планете.

«Можно!» – я следую её примеру. Воздух свистит в ушах, и синий ковёр джунглей пока ещё лениво, но с каждым мгновением всё быстрее надвигается, распадаясь на отдельные деревья...

«Ах-ха, как здорово, Рома!»

«Осторожней!»

«Ага, испугался!»

Вместо ожидаемого набора высоты Ирочка резко тормозит распахнутыми крыльями. Ещё миг, и она скрывается в чаще.

«Сейчас я тебя настигну!»

Я с шумом вламываюсь в чащу леса, но Ирочка уже скачет по ветвям, как крылатый Маугли.

– Тебя следовало назвать Прячущейся в ветвях, Юайей!

– Нет, Рома, нет! Я Летящая под дождём! Нет, больше, больше – я твоя Ирочка!

Впереди открывается изумительная полянка, густо поросшая голубой травой, и я отчётливо вижу мысли моей ненаглядной – вот подходящее место, где он меня настигнет...

И разом всё вылетело из головы.

«Что это, Ир?»

Вокруг полянки из зарослей смотрят фарфоровые лики. Мужчина... а это вот женщина... совсем пожилая женщина, даже лицо в морщинах, таких женщин у ангелов не бывает, это невозможно...

«Сейчас не бывает. А тогда были. Это древнее кладбище, Рома».

Я осторожно подхожу ближе. Время и буйные ливни не совладали с искусством древних мастеров, и растительность не смогла поглотить их бесследно. Сколько же лет этому кладбищу?

«Тысячи три, не меньше. Ещё когда ангелы умирали от старости и даже болезней».

Ирочка прижимается ко мне, и я чувствую, как сильно бьётся у неё сердце – не успела отойти от полёта.

Надпись на постаменте, чем-то похожем на земной высоковольтный изолятор, написана знакомыми буквами, пусть и несколько стилизованными. Но прочесть её у меня не получается.

«Это древний язык, Рома. За три тысячи лет язык меняется очень сильно».

«Ты можешь?..»

Она вглядывается.

«Здесь покоится прах Летящей на восток, матери Ищущей плоды и Играющего с ветром, жены Взлетающего в зенит...» А вот и дата... Ого! Да это же конец эпохи Немереной жадности!»

Я обхватываю жену крылом. Надо же, подумать только... На Земле подобные захоронения искали бы археологи. И не нашли бы ничего – все могилы аборигены разоряли нещадно...

«У нас не принято грабить могилы, Рома. То есть бывали эксцессы во времена той эпохи, но такого вандализма, как у людей, не было и в помине. Как видишь, за ним даже присматри-

вают, за этим кладбищем – должно быть, местный смотритель лесного участка. Да и в старину тут нечего было брать, разве только сами памятники».

Её глаза глубоки и бездонны.

«С тех пор многое изменилось, муж мой. Уже давно так никого не хоронят. Мёртвые покоятся в глубоких подземельях, оставив солнечный свет живым. И сам обряд изменился. Не плачут убитые горем родные, нет траурных процессий... Смерть перестала быть горем, Рома. За очень редкими исключениями, которых тоже скоро не станет».

Я размышляю. Вот как...

«Да, ты прав. Я тоже иногда об этом думаю. Эти редкие исключения напоминают всем о том, что есть на свете горе. Они учат переживать и сопереживать. А вот когда кристаллы-микросканеры в головах не оставят смерти ни единой лазейки... Не закончится ли это в конце концов тем, что мы, ангелы, утратим способность сочувствовать чужому горю? Ничто не даётся даром, Рома».

Я обнимаю её руками и крыльями.

«Но ты же мечтала, чтобы однажды в мире не стало слёз. Твоя мечта исполняется у тебя на глазах».

«Мечтала, да. Но есть на Земле и такая поговорка: «Несчастный, ты будешь иметь, что хотел».

Она вдруг шумно встряхивается, не выдерживая тишины древнего кладбища.

– Давай полетим домой. Извини, Рома, но я не могу здесь...

– Понимаю... Вообще-то я бы смог...

В любимых глазищах протаивает знакомый смех.

– Для тебя нет ничего святого, муж мой, – переходит Ирочка на русскую речь.

– То есть как ничего? – округляю я глаза. – Да полно разного святого! Вот же передо мной главная святыня...

Ирочка смешливо фыркает, блестя глазами.

– Ты неисправимый льстец! Всё, полетели!

– ...М-м... Рома...

Ирочка чмокает, плотнее прижимаясь ко мне. Уже уснула, намаялась, маленькая моя... И Мауна-младшая спит, и Нечаянная Радость. И мне бы нужно спать, да ещё как... Но сна ни в одном глазу.

Моя мудрая жена, как всегда, чётко обрисовала суть дела. Я уже привык, что ангелы добрые, это как бы само собой разумеется, как наличие крыльев. Добрые, великодушные, тонко чувствующие чужое страдание... Насколько тонко? Не есть ли это атавизм?

Уже давно нет здесь траурных процессий, и слёзы на нормальных похоронах никто не льёт. Умершего не жалеют – кто заставлял умирать? Сам захотел... Да, собственно, и некому жалеть. В Раю умирают лишь те, кто до отказа насытился жизнью. Кому больше никто не нужен, и которые сами никому не нужны. И призывают свою смерть тут обычно парами...

Здесь жалеют погибших. Когда, казалось бы, вконец затурканная смерть внезапно показывает свой хищный оскал. Такие случаи редки, но именно они, вероятно, и служат теми прививками от всеобщего равнодушия. А вот теперь их не будет, и смерть будет окончательно укрощена. Не начнёт ли ослабевать иммунитет ко Злу? И не превратятся ли ангелы в настоящих олимпийских богов, весёлых и безжалостных – потому как им уже непонятно будет, что такое боль утраты. Или телепатия гарантирует от подобного исхода?

Вопросы, вопросы... Этот мир гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Сложнее Земли и сложнее, чем это может понять бывший абориген полудикой планеты.

Ладно, пора спать, Великий спящий. Нет, не спать, а СПАТЬ. Задача раз – увидеть звёздное небо планеты пушехвостых. Задача два – определить источник скрытой угрозы.

Танцуют свой немислимый танец размытые цветные пятна. Давно бы так, ребята, я вас уже заждался...

Взрыв! Огромная голубая чаша до горизонта...

Взрыв! Круглится бок планеты...

Взрыв! Ласково греет светило...

Взрыв! И мириады звёзд светят мне в лицо...

Глава 7. Опрокинутая чаша

Бетон потерны исходил стылým промозглым холодом, от которого не спасала шерсть. Я зябко поёжился, потянулся к тёплой кацавейке, выкроенной из одеяла. Надо бы встать, сделать комплекс упражнений, заодно и согреться... Не хочется. Пальцем шевелить не хочется.

Будет ли когда-нибудь снова тепло?

Я почесал за ухом, потрянул головой. Странное какое ощущение только что возникло в голове – как будто кто-то чужой влез в мои мысли. Забрался в голову, как в башню броневика, уселся и затаился... С ума бы не прыгнуть, вот что. Не так уж трудно это по нынешним временам. Хотя все, кто норовил прыгнуть, вроде как уже прыгнули, но...

Я натянул на себя кацавейку, налил из термоса горячей воды и принялся прихлёбывать, едва не обжигаясь. Вообще-то хорошо бы поставить сюда на пост электроплитку, что ли... Нет, Угррур не разрешит. Реактор на холостом ходу, и энергии, вырабатываемой термоэлементами, едва хватает на освещение и работу системы водоочистки. Ну и на кухню, само собой...

Я усмехнулся, обнажив кончики клыков. Генерал Угррур мудр, и только сейчас становится ясно, насколько. Если бы сразу после Конца света реактор не перевели на минимальный ход, уже давно освещались бы лучинами и пили воду из реки. Вёдрами таскали бы, потому как насосы тоже работают на электричестве. А так ещё лет пятнадцать будем пить чистую... а там и в реке очистится до безопасного уровня...

В дверь гулко постукали железом. Я нехотя встал со своего места, двинулся к двери. Вот интересно, когда она появилась у меня, эта шаркающая походка? Вроде не старый ещё... Это от гиподинамии всё, надо чаще делать упражнения...

Я усмехнулся. Нет, я не старый. Я древний. Доисторический. Как и все мы.

В дверь снова загремели железом. Ещё три года назад тут работало переговорное устройство, но оно вышло из строя, и починить не удалось. Проблему решили просто – повесили на верёвке железяку, игравшую теперь роль дверного звонка.

– Кто?! – рявкнул я, подойдя вплотную. Разумеется, вопрос был лишён смысла – кто же там может быть, кроме своих? Однако регламент требовал задать вопрос и получить ответ. Регламент до сих пор выполнялся по всем пунктам, которые вообще возможно было ещё выполнять. Регламент вносил некую упорядоченность и видимый смысл обитания в этой бетонной норе.

– Это я, Брргарр! – глухо донеслось сквозь броню. – Открывай!

Длинный рычаг запора глухо заскрипел, зато дверь отвалилась в сторону бесшумно. Хорошие двери делала когда-то фирма «Рубурр и сын»... Кто их помнит сейчас, и Рубурра, и его сына? Мёртвые страницы истории в памяти ещё живых... мертвецов.

Гррот перешагнул через высокий комингс.

– Я уж думал, ты помер. Проще дверь взорвать...

– Я тебе не рядовой новобранец, на цырлах на всякий шорох поспешать.

Гррот слабо рассмеялся, закашлялся.

– Гляди-ка, какое слово вспомнил... Где это ты в последний раз видел новобранца?

– Тридцать четыре года назад. Ты по делу или так, от гиподинамии спасаешься?

Гррот помрачнел.

– Разведка донесла, опять шевеление. Возле бывшей подстанции, ближе к Промаху.

– Мутанты? Или вытолзки?

– Неясно. Но ведут себя нагло. Их по открытому огню обнаружили. Каннибалы, жарят кого-то.

Я с шумом втянул воздух. Раз каннибалы, то уже не имеет значения, выползки это, покинувшие противоатомный бункер, в котором кончились запасы провизии, или мутанты – из тех деревенщин, что каким-то чудом пережили Конец света.

– Босс велел разобраться и почистить там всё.

Да, это свято – почистить окрестности охраняемого объекта. Ибо каннибалам не место на земле. Одна-единственная банда каннибалов способна уничтожить остатки населения целого края всего за пару-тройку лет.

– Наши броник еле ползает.

– Босс разрешил пустить в дело «Убедительного».

Вот теперь я удивился.

– Круто!

Гррот помолчал.

– Их там очень много, Брргарр. Сотни две, наверное.

В ангаре, куда вела потерна, стояла вся наличная техника, которой располагал объект. Два из трёх броневиков были давно разукomплектованы, третий же переделан под газогенератор, топившийся дровами – благо мёртвый лес вокруг стоял в изобилии. Правда, дерево уже изрядно погнило, но при нынешних бесконечных зимах ещё на несколько годков должно хватить...

А всё оставшееся горючее находилось в баках «Убедительного». Я с удовольствием оглядел машину – да, и в самом деле такая штука может убедить несогласных... Настоящее свидетельство военной мощи бывшей империи.

Тяжёлый бронеход возвышался над головой, грозно ощерив жерла пяти орудий. Четыре лёгкие пушечки, спаренные с пулемётами, в расположенных уступах боковых башенках, и огромный куб главной башни, с тяжёлым орудием для борьбы с сильно бронированными целями и бетонными укреплениями. Броня в три пальца толщиной, плюс противогранатные решётки, делающие бесполезными ручные гранатомёты. Генерал Угррур прав, как всегда – раз в банде столько народу, чем рисковать единственным ходячим броневиком, сегодня следует не пошкупиться и вывести из стойла нашего «Убедительного».

Где-то в недрах убежища загремели звонки громкого боя, и спустя считанные мгновения забухали тяжёлые шаги. Я ощутил невольную гордость – спецназ, он и спустя столько лет спецназ.

Четыре десятка бойцов заполнили ангар, быстро и без суеты построились. Ребята впрямь смотрелись ещё ничего, в бронезилетах и касках, с автоматами под мышкой и лопатками-топориками на задку. Правда, хвосты изрядно облезли, ну да радиация – она никому не мать родная...

– Ребята! – генерал вышел вперёд, с явным трудом переставляя ноги. Он был старше меня лет на тридцать и вообще был самым старшим из нас. – Опять каннибалы нагрянули в гости. Нужно устранить...

– Будет сделано! – рявкнули ребята, строго соблюдая устав. Вообще-то в последние годы Угррур не настаивал на непременно уставном к нему обращении. Но как-то само собой повелось... И вообще, дашь себе раз поблажку, другой, и конец бункеру. Вместо гарнизона специального назначения останется кучка грязных норушников, а там и до выползков скатиться недолго...

– Экипаж, в машину! Десант на броню! – зычный голос у Гррота, ничего не скажешь. В закрытых помещениях особенно.

Взвыл электромотор. Врата потерны дрогнули и начали медленно отползать в стену, открывая выход наружу. Свежий ветер ворвался в раскрытый зев, вытесняя неподвижный стылый воздух подземелья, но тепла я не ощутил. Вот дела, ведь лето уже на носу, если

судить по календарю... Хотя «лето», это было там, до Конца света. Сейчас есть только морозный сезон и безморозный.

Двигатель «Убедительного» тяжело взревел, разом загасив все иные звуки, стены и пол мелко задрожали. Каждые три года на бронеход ставили свежий комплект аккумуляторов из НЗ, обноска же шла на броневичок и связистам. И это глубоко правильно – оружие должно быть исправно и в любой момент готово к применению. Как сегодня.

Чудовищная машина взяла с места плавно, лязгая широкими гусеницами, двинулась на выход. Ещё чуть, и мы выбрались на волю.

Я закинул голову, жадно вдыхая холодный воздух. Над головой рассыпалась вязь созвездий, и среди них выделялась Опрокинутая Чаша... А вот и Несбывшаяся Надежда...

Я невольно вспомнил, как ещё пацаном-школьником бегал в астрономический кружок. Вообще-то я изначально хотел стать лётчиком, но незаметно увлёкся астрономией, которую изучали на курсах юных штурманов. До чего доходило – я всерьёз подумывал, не пойти ли мне в университет...

Я усмехнулся. Много глупых идей витало в моей голове. Но жизнь, как обычно бывает, внесла свои коррективы. Армия, спецназ, особый объект номер...

А потом наступил Конец света.

Разумеется, был период конфронтации, обмен резкими заявлениями. Потом всё вдруг как-то наладилось, и по радио зазвучали бодрые марши и успокаивающие вести. Послы обменивались похлопываниями по плечам, приветственно мели пушистыми хвостами... «Наконец найдены взаимоприемлемые решения наболевших вопросов». Казалось, демобилизация вот-вот будет объявлена...

И только потом, уже после Конца света, я понял – решение действительно было найдено, и обе стороны готовились его исполнить.

Самое интересное, что война так и не была объявлена. Разумеется, первый ядерный удар должен быть внезапным, но после-то могли объявить? Впрочем, это уже не имело никакого значения. Даже добивающие удары прекратились буквально через несколько дней – уж очень устрашающе выглядели результаты того, самого первого удара.

Вообще-то самым тяжёлым был первый год, когда беспросветный мрак окутал планету, и вслед за бескрайней ночью пришёл свирепый мороз, дополненный ураганскими ветрами. Народу в убежищах тогда ещё было много, страшная теснота, плач детей, визги и истерика женщин, свирепые драки между мужчинами, сумасшедшие, не боявшиеся даже выстрелов в упор... Потом стало легче. Все, кто не выдержал, отправились в Обитель Предков – кто-то удавился на проводе или шнурке, кто-то получил нож или клыки в шею от соседа, кто-то пулю от охраны... А кто-то просто умер, и все дела. И пайку увеличили, поскольку количество едоков упало многократно.

А потом наступила тоска.

Год шёл за годом, но бетонные склепы атомных бункеров так и оставались приютом уцелевших. Нет, никто не звал их «домом» – как можно? Дом, это же... это...

Никто ничего не строил. На второй год от Конца света, когда мутное солнце нарушило наконец беспросветный мрак, кое-где попытались наладить сообщение, пусть даже нерегулярное, и жалкое подобие производства. Однако неожиданно выяснилось, что никакой экономической основы для такого сообщения нет – остатки выживших сидели в убежищах и медленно проедали запасы консервов.

Когда же ещё через несколько лет стало возможным жить на поверхности, обнаружилось, что практически весь домашний скот благополучно съеден. И хуже того, не стало никаких диких животных – все передохли ещё в ту страшную Великую Ночь.

Возможно, где-то кто-то и пытался ещё наладить мирную жизнь – мне о том было неизвестно. Великая цивилизация распалась, и эфир пустел с каждым годом. Вот уже лет

десять не было известно ничего о том, что творится у наших бывших врагов – именно бывших, потому как исчезли причины, вызвавшие соперничество. И вообще, враги отныне были у всех одни – вот такие банды каннибалов, уничтожавшие и без того призрачные шансы выжить.

И климат изменился. Наш генерал проговорился как-то – на обоих полюсах море сковали льды, образовавшиеся в ту первую зиму, и льды эти не собирались таять. Это казалось многим удивительным, но я не зря ходил в астрономический кружок в далёком, страшно далёком детстве. Всё было просто – льды рассеивали тепло, которое посылало солнце нашей истерзанной планете, и вот уже не только на море, но и на суше в высоких широтах понемногу формировалось нетающее белое одеяло. До Конца света здесь, мне помнится, даже в разгар зимы снег никогда не лежал долго – выпадет и растает. Сейчас же большую часть года мороз цепко держит землю и мёртвый лес, и снега сходят только к началу лета – то есть «безморозного периода», заменяющего отныне лето...

«Убедительный», густо облепленный десантом, вырвался наконец из мёртвого леса и прибавил ходу. Липкая грязь летела с гусениц, и я мельком посочувствовал ребятам, сидевшим на откинутых противогранатных решётках по бортам – шерсть колтуном станет... Сам я сидел на такой же решётке главной башни – сюда грязь не долетала, и обзор неслабый. Мне как бывшему командиру взвода положено. Бывшему, потому что теперь уже все вооружённые силы нашего объекта едва тянут на взвод.

Неожиданно выплыла откуда-то извне холодная и спокойная мысль – а зачем? Зачем мы мчимся к руинам древней подстанции, дабы покарать и уничтожить шайку каннибалов? Конец неизбежен. Не эти, так другие доедут случайно уцелевших в округе, потом пережрут друг друга... А нам в бункере провизии хватит до самого конца.

Я тряхнул головой. Нет! Так не должно быть. Мы – армия, и мы обязаны обеспечивать покой мирных граждан. Пусть их осталось всего ничего, пусть они обречены, но пока есть хоть один – мы обязаны защищать...

«Вы уже защитили, – не сдавался внутренний голос, чужой и холодный. – Если бы не ваша славная армия, все были бы живы».

«Молчать!» – мысленно рявкнул я, не в силах сносить издевательства над собственным рассудком. Если начать сомневаться перед боем...

«А не лучше ли тебе помолчать и подумать? – спокойно и холодно возразил всё тот же голос. – Тем более что другой возможности может и не представиться».

И тогда я запел. Нет, пел я негромко, и никто не услышал моего марша за лязгом боевой машины. Но голос отстал. Добрый строевой марш – лучшее средство от лишних мыслей.

Небо на востоке начало стремительно светлеть, звёзды поблёкли и готовы были вот-вот исчезнуть. Мне почему-то страшно не хотелось этого, и я неотрывно вперился в созвездия. Опрокинутая Чаша и Несбывшаяся Надежда...

А впереди уже горбился пологий вал Промаха. Что-то не заладилось в тонком механизме ракеты, и заряд, который должен был покончить с нашим объектом, образовал гигантскую воронку далеко в стороне.

Ещё чуть, и стали видны костры, освещающие перекорёженные конструкции и угрюмые туши сгоревших трансформаторов. От самого главного здания подстанции остались бетонные колонны и косо торчащие остатки стен. Вот странно, уже которая шайка каннибалов обосновывается в этих развалинах, хотя там повсюду костяки валяются... Может, у каннибалов это даже вызывает прилив аппетита?

«Убедительный» резко сбавил ход, и десант разом посыпался на землю. Освободившиеся от груза решётки с лязгом вставляли на место.

– Наконец-то! – из какой-то ямы вынырнули трое разведчиков, у одного на спине болталась плоская коробка рации. – Смерти ждать скорее, чем вас...

– Доложите обстановку! – прервал неуставные сетования Гррот.

– Обстановка обычная. Нажрались и отдыхают. Гррот, похоже, это таки две слившиеся воедино банды. И одна из них выползки.

– Основания?

– Гранатомёты у них, и пулемёт крупнокалиберный. Грамотно поставили, сволочи, прямо на верхней площадке трансформатора горелого. На броневике и не подойти.

Гррот обнажил клыки. Нет ничего отвратительней бывших военных, скатившихся к каннибализму. Неужели так сложно застрелиться?

Первые лучи солнца брызнули на землю, и в стане врага стали очевидны признаки суеты. Действительно, с двух тысяч шагов наш «Убедительный» был отлично виден в свете разгорающегося утра. Можете не суетиться, покойники. На открытой местности, ну куда вам деваться?

– Ложись!

Все разом легли, и вовремя – очевидно, расчёт крупнокалиберного пулемёта не выдержал и послал наугад длинную очередь. Пули с визгом прошлись по броне, взметнули фонтанчики грязи.

Главная башня «Убедительного» даже не шевельнулась, зато одна из малых повернулась и звонко плюнула из пушечки. Короткая вспышка и донёсшийся спустя несколько мгновений гул взрыва известил, что никакого пулемёта у противника больше не имеется. Всё-таки мудр наш старик, ничего не скажешь. Вот бы сейчас мы танцевали на нашем углу броневике... да как бы не сожгли его, пожалуй.

– Встали и пошли! – прозвучала спокойная команда.

Процессия, возглавляемая бронеходом, двинулась вперёд, неспешно и неотвратимо. Сейчас подонки, обманутые кажущейся удалённостью и медлительностью «Убедительного», рванут из развалин, и начнётся охота.

Главная башня наконец ожила. Громоздкий куб повернулся, поводя стволом, и орудие ахнуло, разнося вдребезги какой-то уцелевший чудом железный сарайчик и недвусмысленно поторапливая несознательных – пора давать ходу...

И действительно, несколько фигур метнулись было в степь, но коротко протрещали автоматы, и они свалились, не добрав даже до остатков некогда стоявшего забора. Я оскалил клыки. Всё было ясно – главарь банды, очевидно, был некогда офицером и сообразил, что бежать бесполезно. Они решили драться.

– Укрыться! Держаться за бронёй!

Со стороны руин послышались одиночные выстрелы, и тотчас заговорили пушки и пулемёты «Убедительного». Десант плотнее сдвинулся за широкой кормой бронехода, ещё и с выдвинутыми боковыми щитами – теперь нас разделяло полторы тысячи шагов, вполне могут положить кого-нибудь...

Снова ахнул главный калибр, уничтожая невидимую мне огневую точку. Мелкие же пушки били теперь непрерывно, вылицивая засевших в хлипких укрытиях автоматчиков и карабинеров. «Убедительный» двигался нарочито медленно, давая возможность экипажу расстрелять как можно больше врагов. Ничего, недолго уже... Ещё немного, и стрелкам-башнёрам бронехода можно будет пустить в ход огнемёты, и тогда жареного мяса у каннибалов будет вдоволь. Вот разве что не останется едоков.

Грохнула вытупенная издалека граната – явный недолёт. Глупости, паника это, похоже...

Немногие уцелевшие бойцы первой линии не выдержали наконец, бросились бежать, избавив экипаж от необходимости расходовать заряды огнемётов. Пулемётами обошлись, это проще.

Перевалив через невысокую гряду битого кирпича, обозначающую некогда существовавшую ограду, «Убедительный» уверенно направился в глубь территории. Мой взгляд скользнул

по покорёженным остаткам конструкции, украшенным поржавевшей эмалированной табличкой с аббревиатурой, и откуда-то всплыло в памяти: «открытое распредустройство»... Впрочем, среди этих горелых железяк и колотого фарфора могут прятаться недобитки...

– Рассыпались!

Десант вышел наконец из-за широкой и надёжной спины боевой машины, рассыпаясь по территории для зачистки. Кто-то метнулся мне наперерез, выстрелив из обрезка – я свалил его короткой очередью. Второму, с карабином, просто не повезло – то ли патроны кончились, то ли осечка – разбираться мне некогда...

Характерные звуки огнемётов и истошные вопли отметили падение главного рубежа вражеской обороны – руин центрального здания, где когда-то был главный щит управления и прочее релейное хозяйство подстанции. Так, осталось пустяки. Сейчас «Убедительный» совершит обход территории...

Мощный взрыв потряс землю и небо. Громоздкая главная башня бронехода отлетела и упала совсем рядом со мной, исходя едкой вонью. Фугас... Надо же, допёрли, сволочи, заложили фугас, кто бы мог подумать...

И тут же, словно по сигналу, из всех дыр и ям с рёвом полезли недобитые каннибалы. Их оставалось ещё не меньше сотни.

Время как будто растянулось – оскаленные клыки, грязные колтуны свалявшейся шерсти, дёргающийся в моих руках автомат...

Очередь ударила в грудь, и бронезилет не выдержал огня в упор. Я вдруг отчётливо понял – зря мы рассчитывали на испуг... Этим ребятам давным-давно надоело жить, и они ничего не боятся.

Звёзды, как много созвездий... Опрокинутая Чаша и Несбывшаяся Надежда...

– Проснись, Рома, проснись, проснись!!!

Голова раскалывалась и гудела, напоминая те далёкие времена, когда абориген одной дикой планеты ещё баловался, принимая внутрь спиртосодержащие жидкости. Перед глазами густо плавают размытые цветные пятна, с явной неохотой освобождая поле зрения, и сквозь них медленно проступает ангельский лик моей жены. Глаза, и без того огромные, сейчас кажутся просто неправдоподобно громадными.

– Что же ты делаешь, Рома...

– Что... было?

Она кусает губы.

– Ты мог не вернуться. Вот сейчас я могла тебя потерять. Смерть контактера в момент контакта...

Я уже достаточно понаторел в вопросах всевидения, чтобы понять с полуслова. Даже ангелам пока неясен весь таинственный механизм сего явления, но внезапная гибель контактера в момент подобного контакта «с растворением» вполне может погрузить Всевидящего в вечный летаргический сон. Тело, лишённое души...

Ирочка внезапно расплакалась так горько и безутешно, что даже Нечаянная Радость проснулась на своей икебанае, захлопала крыльями. Ещё спустя секунду в нашу комнату ворвалась Мауна.

– Мама-папа, не надо!!!

Меня пронзает острейшее раскаяние. Вот, дочура почувствовала, и даже зверюха... Ей же так больно... Маленькая моя...

Между тем летучая соня уже с криками носится кругами вокруг тесной скульптурной группы, из которой двое режут в три ручья, а третий пока что просто сопит носом. Страшная иногда эта штука, телепатия... Как больно отдаётся чужая боль...

Глава 8. Практическое бессмертие

– ...Это всё, Биан.

Шеф задумчиво тербит мочку уха.

– Н-да... Слушай, я об этом не подумал. Ещё не хватает твоей гибели из-за глупого совпадения...

– Ну всё же позади. Ловушка захлопнулась впустую. Можно не бояться тени чёрной кошки.

Мой начальник некоторое время размышляет.

– Нет, Рома. Не то, не то! Поверь, я кое-что понимаю в видениях. Конечно, у тебя как у Великого Спящего аллегорий масса, но... Короче, нет тут корреляции, как хочешь. Не склеивается сюжет. Вот если бы там, скажем, один на тебя спереди напал, а пятеро сзади, тогда да, можно было бы полагать. А так – не та это ловушка. И скрытая угроза остаётся в силе.

– Я буду очень осторожен, шеф. Сам не хочу, поверь.

Биан смотрит скептически.

– Если бы ты был Грезящим, я бы тебе поверил. Но ты Спящий, Рома. Ты не можешь стопроцентно контролировать себя.

– Вот именно. И мы сейчас зря тратим время. Ты лучше насчёт задания...

– Ну что же. Первую часть задания ты, похоже, выполнил. Увидел звёздное небо глазами аборигенов. Это всё я сейчас переправлю в аналитический отдел. Правда, полагаю, без особой пользы.

– Это почему?

Биан морщится.

– Ты иной раз как бескрылый малыш, Рома, честное слово. У них же была ядерная катастрофа второго рода. С глобальной ядерной зимой...

Я перевариваю новую порцию информации.

– Мы этого ещё не проходили.

– Ничего, пройдёте. Теперь о второй части задания, определение источника скрытой угрозы...

Теперь я моргаю виновато.

– Шеф, хоть убей. Я просто не знаю, с какой стороны подступиться.

Но Биан уже улыбается так лучезарно, как будто ему вручают очередную награду.

– Ничего, Рома, я сделал это за вас всех. Строго говоря, неплохо бы вам всем постоять немного на колене перед своим мудрым начальником.

– Ну?! – Уин и Уот мигом бросают работу. – Уже?

– Да, ребята, да. Послезавтра все сдаёмся медицине, и где-то к концу месяца «хранители душ» будут стоять у всех. И чихали мы на все угрозы, хоть скрытые, хоть открытые!

Я улыбаюсь. Уже успели обзвать микросканеры, вмонтированные в голову, «хранителями душ», надо же...

– Живём, Рома! – Уот хлопает меня крылом плашмя. – А ну, встали все на колено перед нашим величайшим шефом!

Мы втроём встаём на колено, протягивая руки.

– Славься, Биан, несказанная радость Вселенной!

– Хех... Вольно! – ухмыляется шеф. – Если вы не забыли, сегодня у нас есть и ещё одна причина для радости.

– Мы не забыли, шеф!

Я улыбаюсь во весь свой ангельский ротик. Разумеется, радость – Аина и Иол возвращаются домой. Возвращаются живыми и невредимыми.

А будет ли радость такой же точно, когда «хранители душ» надёжно защитят нас от ЛЮБЫХ угроз?

И вновь всплывает откуда-то из глубины мысль, похожая на глубоководную рыбу.

«Хранители душ»...

Хранители? Или?

«Вот такие дела, Ир».

Мы сидим на балконе, тесно прижавшись друг к другу. Сегодня мы ждём восхода Великой звезды. Ибо уже сезон. Как летит время!

Всё тихо в доме. Спит наша Мауна, набесившись до упаду. Спит и Нечаянная Радость, переваривая очередной сытный ужин. Весь мир спит. Мы одни, я и она.

«Значит, уже завтра...»

«Ну, завтра только анализы, то-сё...»

«Неважно. Несколько дней ничего не меняют. Не то, Рома, не то! Ведь у тебя были совсем другие мысли».

Да, потомственную телепатку не проведёшь.

«Ну хорошо, я попробую сформулировать за тебя. Не окажется ли эта дорога той самой, вымощенной благими намерениями? И не окажется ли «хранитель душ» в итоге их всеобщим разрушителем?»

«В тебе есть что-то от папы. Брать быка за рога его излюбленный метод».

«Я же его дочь как-никак. Но мы отвлекаемся».

Ирочка смотрит прямо и строго.

«Я тоже часто об этом думаю. Гарантии нет. Её никогда не бывает, Рома – любой шаг в неведомое таит в себе опасность. Опасность вполне реальна. Действительно, чего переживать? Ну погиб, неприятно, конечно, но через недолгое время – пока что это почти полгода – вернётся живёхонек. Можно считать это длительной командировкой... Ну, положим, нынешнее взрослое поколение сохранит в памяти этот страх, понимание – каково это потерять родного НАВСЕГДА. Но уже наша дочь сможет представить это только посредством телепатии, извлекая из наших с тобой голов. Ту тикающую адскую машину, которая мучила тебя в твоих видениях. Молчи, молчи! Не сбивай... Есть такая штука, как гипноз. Гипнотизёр кладёт в руку пациенту металлический предмет – у нас шарик, а на Земле обычно монету – и говорит загипнотизированному, что металл раскалён. Тогда на ладони вскочит пузырь, как от настоящего ожога. Потому что боль от ожога сидит в недрах подсознания, Рома. Но изредка встречаются те, кто ни разу в жизни не обжигался. И все усилия гипнотизёра окажутся тщетны. Потому что пациент НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ БОЛЬ».

Ирочка смотрит куда-то сквозь пространство, будто силится увидеть в ночи грядущее.

«Будет ли Мауна-младшая столь же добра и чутка, как и Мауна-старшая? Большой вопрос. Ну хорошо, допустим, нашу дочь сия чаша минует – есть откуда черпать представления. А потом? Мы живём долго, но не вечно, Рома. Не наступит ли время, когда Рай окажется населённым сытыми, весёлыми и безжалостными тварями, нечувствительными к чужой боли? И станет это началом конца, потому что те, кто не в состоянии сочувствовать чужому горю, уже не различают добра и зла».

Её глаза в темноте кажутся бездонными.

«И окажется это величайшее благодеяние в итоге той самой адской машиной, Рома. Тик... тик... Процесс пошёл».

Меня пробирает дрожь. Да уж... Этот тёплый и добрый мир, который я успел полюбить, гораздо сложнее, чем полагал ещё не так давно один балбес, волею случая и счастливого расклада генов пробившийся во Всевидящие. Скрытая угроза... Мина, заложенная на тысячу лет... И как всегда, угроза не извне, а изнутри, самая опасная из всех возможных.

«Неужели об этом не думали здешние умные головы?»

«Ну как же не думали? Разумеется, думали. Но разум имеет такое свойство – залезать везде, куда можно залезть, и открывать всё, что можно открыть. Открытие сделано, потому что было нужно. И я не хочу трястись каждый раз, отправляя мужа на Землю. И ты не хочешь, и мама, и папа. Никто не хочет терять близких».

Ирочкины глаза чуть мерцают во мраке.

«Когда мы победили старость, споров и опасений было не меньше – как же теперь будет пробиваться в жизни молодёжь, не замнут ли их вечно юные старики? И когда получили неограниченный срок жизни, многие опасались... А как же? А не приведёт ли это к тому, что женщины перестанут рожать, и материнские-отцовские инстинкты угаснут? И тогда гарантии тоже не мог дать никто. И сэнсэи не могли сказать, как это будет У НАС – у них-то вопрос был к тому времени уже решён... Сейчас можно и посмеяться над якобы наивностью тех страхов. Тогда же угроза была реальной. Закон Элу-Лао, вариант три... тик... тик...»

Ирочка вскинула голову.

«Мир так устроен, Рома – тот, кто убегает от опасности, никогда не убежит. Надо не убегать от угрозы, а устранять её. Как ты тогда разрядил нашу с тобой общую мину. Теперь нам, ангелам, предстоит разрядить эту».

«А если нет?»

«А кто не сумел, тот не смог, как говаривал Коля-Хруст. Надо смочь, Рома. Жизнь любит тех, кто может».

Я крепко обнимаю её, руками и крыльями.

«Невероятно мудрая у меня жена. Правда, правда».

– А ещё я красивая и весёлая, как говорит наша дочь! – Ирочка переходит на звук, глаза её стремительно меняют выражение, и вместо бездонной мудрости там уже пляшет смех. – Слушай, мне пришла в голову идея. Давай встретим восход Великой звезды чуть раньше?

– То есть?

– Ну ты же учил географию, или как? «Тело, поднятое на высоту...» Ты в состоянии поднять своё тело на высоту без восходящих потоков, Рома?

– Ночной полёт! – я восхищённо смотрю на жену. – Я хочу!

– Так летим, муж мой! Ого, вон уже зарево, давай скорее!

– Ну, все в сборе... Никто не ел? Очистились от внутренней скверны?

– С вечера ни кусочка, шеф. И прослабились все, не беспокойся, – за всех отвечает Уот.

– Ладно... Вперёд, коллеги?

Против обыкновения Биан произносит команду с явно вопросительными интонациями. Оно и понятно, ибо предстоит нам нынче не лёгонький профосмотр, а тотальное обследование всеми наличными силами здешней медицины... Вот даже предупредили не кушать с утра, под угрозой промывания желудка. И «очиститься от скверны», кстати, лучше самостоятельно и очень старательно – не то и впрямь нарвёшься на клизму в присутствии целого консилиума. Медицина наука суровая.

– Вам проще, ребята, – говорит без энтузиазма Аина. – У вас дырок поменьше. А мне залезут так глубоко, куда и муж не проникал...

Ребята смеются. И сразу мандраж улетучился. Аина у нас такая, она может сказать...

– Ну, вперёд! – вот теперь интонация правильная. И шеф смело идёт к лифту, подавая нам личный пример героизма.

В обширном зале полно различных устройств, и отнюдь не все они выглядят мирно. Полдюжины светил медицины ждут нас терпеливо, как кошка мышь возле норки. Я уже давным-давно привык в Раю к отсутствию одежды, но в данном конкретном случае вдруг остро испытываю забытое чувство наготы.

– Здравствуйте, наши герои! Мы вас уже ждём.

«Биан, чуть не прокололись. Придётся вернуться. Рома забыл свою клизму».

Коллеги фыркают, но в голос никто не смеётся – мощь медицины внушает почтение.

– Думаю, даму мы пропустим вперёд? – спрашивает главный врач.

– Да-да, безусловно! – галантно подхватывает наш славный коллектив, энергично и согласно кивая. Аина медленно оглядывает нас.

– Вот спасибо, ребята. Просто сердечно вам благодарна.

Миловидная женщина в зелёной шапочке с улыбкой протягивает нашей коллеге небольшой стаканчик с натуральным яичным желтком и здоровенный стакан с водой.

– Глотай не жуя, он действительно почти жидкий.

«Это не желток, это зонд» – улавливаю я.

Аина между тем послушно глотает зонд, морщась, запивает.

– Гадость скользкая какая...

– Воду нужно выпить всю.

– Да знаю, знаю...

«Зачем так много?» – я в недоумении.

«Скоро узнаешь, Рома... Для проверки работы почечной и прочих систем. Это мочегонка с контрольными нанороботами».

«Как? Здесь?! При всех?!»

«Да не переживай, у тебя тоже получится. Вот увидишь».

Я хлопаю глазами. Нет, никогда мне не привыкнуть к этому самому ангельскому бесстыдству...

В ожидании своей очереди мы уселись за ширмой – самой натуральной старинной ширмой, с цветами, нарисованными на розовом фоне. Впрочем, это помогает мало, благодаря телепатии мы превосходно воспринимаем все мысли и чувства нашей Аины.

– Подтягиваемся на левой руке. Ещё, ещё! Та-ак, хорошо. На правой теперь. Отлично. Отжимаемся на левой... На правой...

«Сейчас ещё шпагат на весу сделать попросят...»

– Верно, сейчас исследование нижних конечностей и тазового пояса. Начнём со шпагата...

Аина вкалывает на совесть, выполняя трудные гимнастические упражнения. Здешняя медицина – наука крутая, и отдельные негативные эмоции дамы её не волнуют.

– Работаем, работаем ногами... Равномерно крутим...

«Рома, я забыла – именно это устройство называется у людей «велосипед»? Извращенский какой-то механизм, извини, конечно. Я одна кручу, а все пялятся. А вот и ляжки щупают, так и знала!»

Уин прыскает, уловив, и я сам еле сдерживаю смех.

– Раскрыла крылышко... маховой палец поджать... хорошо... кисть... раскрыла снова... машем, машем! Одним, второе лежит спокойно! Отлично. Второе крылышко теперь... Великолепно! А теперь обоими сразу... Сильней, сильней, как будто взлетаешь!

Не удержавшись, я выглядываю таки из-за ширмы и открываю рот от изумления: Аина вертикально висит в воздухе над самым полом, надёжно удерживаемая силовыми полями фиксаторов, вытянувшись в струнку и подняв руки вверх – даже голову слегка запрокинула – и молотит крыльями, поднимая настоящий ветер. И всё это происходит в вертикальном конусе интенсивно-зелёного света, бьющего откуда-то с потолка и делающего её похожей на стеклянную статую, а уважаемая комиссия с интересом разглядывает, как работает внутренняя мускулатура в груди у обследуемой, как бьётся сердце. И зонд-«желток» видно, кстати: он уже закончил исследование желудка и теперь неспешно продвигается по пустому кишечнику,

заблаговременно освобождённому для медицины. Вот это рентген... Прямо «всевидящее око» Истинно Разумных...

«Это примерно оно и есть, Рома. А ты не смотрел бы на мои потроха, а?»

Я послушно скрываюсь за ширмой. Действительно, одно дело голая девушка, и совсем другое дело прозрачная – неловко ей...

– Достаточно, спасибо. Горизонтально лицом вниз, руки вытянуть вперёд. Крылья в стороны, спинку открой... Ноги врозь... шире, шире! Левую ногу назад... та-ак... правую... А теперь обе, сильнее, сильнее, тяни ступни к затылку!

Я снова не выдерживаю, выглядываю из-за ширмы. Теперь Аина висит в воздухе горизонтально, изображая собой цирковую женщину-змею, притом летучую. Конечно, змея из Аины так себе, поскольку ангельская спина заметно уступает в гибкости бескрылой человеческой – если брать не радикулитного горожанина, само собой, а цирковую гимнастку. Но очень эротичный комплекс упражнений, кстати, особенно при полной прозрачности исполнительницы... Жаль, плохо видно, доктора обступили плотно...

«Рома, скройся! Без тебя хватает восхищённых зрителей!»

Я снова поспешно скрываюсь за ширмой. Тем более что исследования уже вступают в заключительную стадию, сейчас комиссия, должно быть, будет наблюдать выход желудочно-кишечного зонда и работу мочевого пузыря пациентки...

«Нет, и это ещё не заключительная», – улавливает мои мысли Биан. Да, он прав...

– Док, у меня вопрос – всё же и так видно? О-ой!

– Не надо, не надо напрягаться!

Мои мысли в этот момент полностью совпадают с мыслями коллег. Все мы радуемся, что одной дыркой у нас меньше.

– Ну, всё в порядке, – выносит вердикт главный экзекутор. – Ты совершенно здорова, Рассеивающая Мрак, никакого предварительного корректирующего лечения не требуется. Думаю, можно давать согласие на установку микросканера мозга. Кто следующий?

– Рома, давай, – подталкивает меня Биан. – Сейчас твоя давняя мечта о публичной клизме исполнится!

– Пфффф! – Ирочка весело блестит глазами. – Все шестеро? Так не должно быть. Кто-то один...

– Не один, а одна, – я до сих пор не могу оправиться от смущения. – Остальные с интересом наблюдали.

Ирочка вздыхает притворно-сочувственно, делая скорбное лицо. Ох, артистка!

– Так что не спасло вас всех отсутствие лишней дырки. И каждый испил чашу свою.

– Ну всё равно, слушай... – не сдаюсь я. – Даже у диких аборигенов планеты Земля взятие всяких таких анализов вроде спермы происходит иначе. Сам и в закрытой комнате, без свидетелей.

– А знаешь, чем вызвано любопытство комиссии, Рома? – смеётся моя ненаглядная. – Твоим смущением, в основном. Ну где ещё в Раю обнаружишь пациента, смущающегося от такой процедуры? Остальное профессиональный интерес, уверяю тебя. Полагаю, им гораздо более интересно было наблюдать работу твоих внутригрудных мышц и сердца в полётном режиме. А это...

Она вдруг меняет голос.

– Якщо ты казав бы мене ковбасу, сало, або вареники со сметаною... – говорит Ирочка на чистейшей украинской мове, точно копируя персонажа из одного старинного фильма моей прародины. – А то такого добра я багато бачив!

Она хохочет, и я смеюсь. Действительно, я сам давно уже обращаю внимание на спецорганы обоего пола не больше, чем на нос, к примеру. С чего я решил, что моя пиписка представляет для почтенной комиссии особый интерес?

– Слушай, но Аина точно стеснялась. Я же чувствовал.

– Ну... – Ирочка чуть скучнее. – Сказать откровенно, я тоже. Когда висишь, вытянутая в струнку, зафиксированная силовым полем, рукой-ногой не шевельнуть, крыльями машешь что есть мочи, а врачи всё внутри у тебя разглядывают... Динамическая проба – вот где самая эротика, похлеще летучей змеи на столе.

Она вздыхает.

– Скоро и моя очередь изображать, Рома. В этом месяце, полагаю.

– Ну?! – я даже поперхнулся. – И тебе «хранителя»?!

– А теперь всем миссионерам ставят. На Землю так вообще не выпускают уже без этой штучки.

– Это здорово! – я искренне обрадован.

Она смотрит на меня внимательно. Ни малейшей смешинки в глазах.

– Ты правда рад, я вижу... Почему, Рома?

Я усмехаюсь.

– Не так давно я восхищался твоей немереной мудростью. Где она теперь? Всё тебе разжуй и в рот положи...

– И всё же, Рома. Я прошу.

– Просто потому, что я люблю тебя. Я хочу, чтобы с тобой никогда, ни при каких условиях не случилось ничего плохого.

Её глаза смотрят очень внимательно.

– Теперь тебе не придётся беспокоиться за меня, и тебе легче?

Наконец-то я понимаю смысл вопроса.

– Глупенькая ты у меня, извини. Мудрая, а глупенькая. Я буду беспокоиться за тебя, пока мы с тобой живы. Как у тебя с работой. Не огорчилась ли ты. Не плачешь ли. Наконец, я буду бояться, что ты меня разлюбишь.

– Спасибо, Рома, – в глазах моей жены влажный блеск. – Вот ты и выдал краткое решение той задачи. «Хранитель души» не опасен тому, у кого она имеется. Кто любит.

Она прижимается ко мне. Я глажу её, ласкаю.

– А разлюбить тебя я не смогу, Рома. Я тогда умру.

Вместо ответа я целую её. Долго-долго.

– Между прочим, я морально пострадал и намерен добиваться компенсации ущерба.

– О! – Ирочка округляет глаза. – Тотальный осмотр главврача? Правильно, так ему и надо, угнетателю!

– Ну зачем мне главврач, – отмахиваюсь я. – У меня есть любимая жена. Которая до сих пор делала вид, что в ангельском облике упражнения типа «женщина-змея на столе» ей недоступны.

В огромных глазищах пляшет смех.

– У тебя же нет «луча прозрачности».

– Ничего-ничего, что нужно, я и без него увижу!

Глава 9. Вариант «Каннибал»

– Здравствуйте все! Рада вас видеть. Возникли вопросы?

Да, сегодня наша наставница снова в ударе – ярко-сиреневые ногти на руках и ногах мерцают алмазной искрой – микролазеры в лаке, похоже – а уж про серьги и ожерелье слов не подобрать.

«Ну, вообще-то я это всё больше для души и для мужа, – улавливаю я мысленный ответ Юайи. – Но мне приятно, когда нравится и другим».

– Ну, раз вопросов нет, перейдём к следующему материалу.

Я улыбаюсь. Раз убедившись, что я в состоянии усваивать материал, наставница более не терзает меня вопросами насчёт домашнего задания, экономя тем своё и наше общее время. Раз смог, дальше само пойдёт, не маленький ученичок-то...

– ...На прошлом занятии мы видели пример разумных, споткнувшихся на первом же препятствии. Сегодня мы увидим примеры гораздо более впечатляющие.

Вспыхивает в воздухе экран.

...Действительно, разве это барьер, первично-варварская цивилизация? Так, бордюрик... Кто-то его и не заметил, как вот ангелы. Ну а кто-то здорово приложился мордой в грязь, но выдрался с мясом и двинулся дальше. Люди Земли, например.

А вот следующий барьер уже вполне серьёзен. Когда справившаяся с детскими проблемами цивилизация начинает переход на следующую ступень, развитой технической, мускулы её обычно нарастают значительно быстрее, чем мозги. То есть мудрость, естественно – сообразительности-то порой даже избыток... И когда по ходу прогресса добираются разумно-сообразительные существа до ядерной энергии, то у них немедленно возникает соблазн применить ту энергию в мирных целях. Да, в мирных, потому как мы за мир, а эти гады против! Ну так пусть пеняют на себя...

– ...Ядерная катастрофа первого рода бывает только в самом начале ядерной эры, когда количество и мощность зарядов оказывается недостаточной для устойчивого эффекта ядерной зимы... – продолжает лекцию Юайя, на экране возникают графики и диаграммы, отражающие предельно допустимое количество совокупных мегатонн, если использовать человечьи термины, но я отмечаю их боковым зрением. Потому что на экране разворачивается фильм.

Город, построенный из розового камня. То есть имеются и другие тона, но розовые явно преобладают. Или это сказывается эффект освещения?

Багровый диск светила, явно больше солнечного, встаёт над морем, тёмно-синим, и огненная дорожка на воде только подчёркивает его синеву... И небо тоже густо-синее, и мне уже ясно – это из-за светила, явно звезда прохладнее земного солнышка...

Рассмотреть жителей города я не успеваю, поскольку в небе появляется характерный инверсионный след. Последние секунды утра...

Вспышка! Я даже прикрываю глаза, до того мощный свет исходит с экрана. Но как бы ни был светосилен экран, разве может он передать ТОТ СВЕТ?

А над бывшим Розовым городом уже с рёвом встаёт колоссальный чёрный гриб, обозначая начало Конца света.

– Нет, Победивший Бурю, это только первого рода, – улавливает мои мысли наставница. – Обычно такая катастрофа отбрасывает цивилизацию далеко назад. После подобной беды на планете формируется характерное «инвалидное общество», сочетающее в себе черты первично-варварской и элементы технической цивилизации. Прогноз в целом тяжёлый, но всё же при благоприятном течении выживание возможно. Вот только благоприятное течение бывает редко. Обычно наступает осложнение в виде повсеместно развитого рабовладения.

И поскольку автоматическое огнестрельное оружие обеспечивает всевозможным владыкам подавляющий силовой перевес над угнетаемыми, над планетой захлопывается крышка гроба.

То, что ты называешь Концом света, это уже катастрофа второго рода. Когда наступает ядерная зима, что приводит к необратимому разрушению биосферы планеты. После чего вид разумных, допустивших подобную катастрофу, исчезает обычно в течение двух поколений. Случаи выживания неизвестны.

– Возможно ли выживание теоретически? – задаёт вопрос всё та же девушка, Кью, что задавала вопросы на прошлом занятии.

– Теоретически – да. При условии, что обитатели планеты успеют создать искусственную биосферу ДО катастрофы. Правда, после Конца света её приходится дополнять инкубаторами по искусственному выращиванию населения. То есть биороботов, по сути.

– Кому нужно такое «выживание»? – не выдерживает кто-то из парней.

– А выбирать уже не приходится. Как говорится, всё лучше, чем ничего. Да вы не волнуйтесь так, это же только в теории. В реальности все погибают надёжно и достаточно быстро.

Я перевариваю полученную информацию. Стало быть, ядерная катастрофа второго рода... Этот вариант для Земли.

– Насчёт Земли... Не исключено, Ди, – снова улавливает мою мысль наставница. – Но всё-таки этот барьер на Земле почти преодолели. Землянам остался самый трудный барьер. Вот на следующем занятии мы поговорим о «варианте «Каннибал»» – так с подачи сэнсэев принято называть подобные экологические катастрофы.

– Ну что, Рома, оправился от надругательств?

Аина сидит на своём любимом коврике в окружении любимых цветов, разглядывая переливающиеся стеклянные змеи. Мировые линии, понимаю я. Чьи, интересно?

– Не переживай, твоей тут нет, – улавливает мою мысль Аина. – Твоя мировая линия столь длинна, что разглядеть её целиком не под силу никакой прогноз-машине. Всё, что можно увидеть, это маленький кончик... впрочем, это уже к медицине.

Уин, Уот и Иол хохочут. Нет, иногда наша Аина шутит чересчур по-солдатски...

– Ладно-ладно, – не остаюсь я в долгу. – Ребята, как думаете, можно раздобыть тот видеоматериал у медиков?

Продолжать мне не нужно – ангелы всё схватывают на лету.

– Рома, ты гений! – Уот даже в ладоши прихлопнул. – Мы будем смотреть этот фильм каждый раз перед началом работы. А то её не допросишься на столе изобразить...

– А мне больше нравится динамическая проба, когда она крылышками машет, – встречает Уин. – А Роме, очевидно, самая последняя сценка...

– Да там полно захватывающих сюжетов! – вносит свою лепту Иол. – Велосипед опять же, выход зонда...

– Трепачи! – беззлобно смеётся Аина. – Биана нет, сачкуете...

«Кстати, где он?» – перехожу я на мысль.

«Шефа не будет сегодня. Улетел решать вопрос, когда ставить нам «хранители».

– Кстати, Рома, зайди сейчас к аналитикам, – говорит Аина. – Насчёт твоего последнего видения, разобрались они вроде как.

– Хорошо, зайду, – я намереваюсь немедленно исполнить повеление шефа. Конечно, меня ещё ждут диаграммы, но чем позже, тем лучше...

– Погодите-ка, мужчины, – Аина блестит глазами. – Тут Уин на мысль навёл... Что, это и в самом деле так интересно? Динамическая проба, в смысле...

– Ну, во всяком случае, необычное зрелище, – отвечает Уот. – А что?

– Да вот я и думаю, не побаловать ли мужа... Поставить «луч» дома, это же не очень дорого?

– Да ты уж как его только и не балуешь... «Луч прозрачности» вредно пропускать через себя подолгу и часто, потом головную боль лечить будешь...

– А я не часто. И можно сделать локально, только на грудную клетку...

На этом месте я покидаю наш славный коллектив. На что только не идут пожилые женщины, чтобы расшевелить своих мужей... И она ещё называет велосипед «извращенским механизмом»...

«За «пожилую» ответишь отдельно», – догоняет меня уже в воздухе ответ Аины. Я смеюсь.

«Слушай, а ты поставь дома велосипед».

«Глупости, неинтересно. И просто упражнения на столе приедаются понемногу. А вот «луч» – это свежая идея».

Я не выдерживаю.

«Мне работать надо, а не дикие эротические фантазии коллег разбирать...»

«Какой ты нынче правильный, Рома, мне прямо стало стыдно, – бесплотный шелестящий смех. – А у самого дома диван стоит».

Мне тоже смешно. Никто из моих коллег не воспринимает наш с Ирочкой многострадальный диван как спальную мебель, полагая его некой помесью спортивного тренажёра с гинекологическим инвентарём. И никакая телепатия не в состоянии убедить их в обратном.

В аналитическом отделе, как обычно, сонно и тихо. Сотрудники пялятся на экран, где мелькают какие-то диаграммы и символы, вокруг корзинки с фруктами – успели уже, набрали...

– А, Рома! – с лёгкой подачи наших уже и тут меня редко зовут иначе. – Слушай, мы в восхищении. Сказать откровенно, мы не особо-то надеялись, что ты ещё раз увидишь столь давно минувшее...

– Вот с этого места подробнее, пожалуйста, – я усаживаюсь, беру наугад фрукт, надкусываю. Давно минувшее, значит... Это многое объясняет, в частности, почему я совершенно не мог управлять своим «полем внимания» в ходе контакта. Волевое и плавное перемещение того поля, как я уже понял, возможно только в реальном Едином пространстве-времени, но не при скачивании архивных файлов...

– Исходя из картинки расположения звёзд, увиденных тобой, мы нашли... Это было в нашем рукаве Галактики, и не так уж далеко. Зато очень давно.

– Сколько? – я уже вижу ответ, но сам страшусь его.

– Пятьсот шестьдесят восемь тысяч лет тому назад, Рома. наших лет, естественно.

Я сглатываю. Вот как... Полмиллиона с гаком лет назад... Ай да цветные пятна...

«Именно так. Мы уже послали сведения в Академию, и ребятам из группы Всевидения в первую очередь. Думаю, скоро тебя попросят обменяться опытом другие Всевидящие».

– А насчёт этих... пушехвостых? – спрашиваю я.

Аналитики разом мрачают.

– Мы послали запрос сэнсэям, а они уже вовне. И ещё нашим астрономам, у них богатейший архив живых планет, – отвечает за всех Играющий с ветром. – Как ни странно, пришёл ответ от остроухих людей. Планета имеет характерную посткатастрофную биосферу, впрочем, уже пошло новое видообразование...

– А пушехвостые? – невольно вырывается у меня.

Играющий поднимает глаза.

– Нет там никого, Рома. Ядерная катастрофа второго рода практически гарантирует летальный исход любой цивилизации.

Я почему-то кладу надкушенный фрукт обратно в корзинку. Вот так вот, стало быть. Опрокинутая чаша и несбывшаяся надежда...

– Спасибо вам, коллеги, – я поднимаюсь.

– Да за что спасибо-то, – чуть морщится Играющий. – Тебе спасибо.

И уже на выходе я вдруг будто запнулся.

– Погоди, погоди-ка... Остроухие люди?!

– Ну да... – Играющий хлопает длинными ресницами.

– Эльфы?!

– Эльфы? Хм... Ну, если тебе удобнее, называй их так.

Я решительно поворачиваюсь.

– Я хочу знать о них всё.

– Ха! Всё, говоришь? Ну-ну. Они же почти не общаются с иными, только с собратьями по расе. Но, разумеется, в таком деле, как идентификация мира по запросу, не отказывают – в этом только «зелёные» могут отказать. А впрочем, доступ к этим материалам есть у Биана и Аины, спроси, там ничего особо секретного.

– Спасибо ещё раз!

Я вылетаю к себе в отдел, круто набираю высоту, облетая башню по спирали. Вот интересно, мне и в голову не приходит воспользоваться лифтом. Зачем, когда есть крылья? Лишать себя удовольствия не стоит...

Но ещё не войдя во внутреннее помещение, я чувствую неладное.

– Что случилось?

Аина против обыкновения не сидит на месте, а ходит, сжимая руки и встряхивая крыльями.

– Вот, Рома, полюбуйся. Нормальный абориген, не маньяк и не убийца. И мы ему должны сломать жизнь. Уволюсь я с этой работы...

Она расстроена до слёз.

– Недаром координатор скинул нам это дело, как не входящее в компетенцию. Белоручки, чистоплюи! А мы, значит, штатные палачи...

Я вглядываюсь в картинку. Высокий лоб с залысинами, умное, волевое лицо. Глаза... Да уж. Видно, что парень уверен в себе на двести процентов. Вот за такими женщины ходят стадами.

– ...Неужели никак нельзя остановить? – слышу я голос Уота.

– Никак. Я и версию с инфарктом прорабатывала, и увольнение со скандалом, и подставу с арестом, и даже временный паралич на нервной почве. Он не только не остановится, он утроит усилия, дабы успеть. Он привык добиваться своей жизненной цели любой ценой.

Я продолжаю изучать информашку. Учёный-биолог, талантливый, подаёт надежды, весьма хорошо оплачиваемый... Работает на корпорацию... ну, это понятно. Работает в настоящее время по проблеме трансгенных растений, то есть конкретно бананов...

– Аина, объясни мне, бестолковому – при чём тут бананы? Какое они имеют отношение к судьбе человечества вообще и нашей службе в особенности?

Она печально усмехается.

– Имеет, Рома, имеет. Самое прямое. Бананы на Земле ест чуть не треть аборигенов. Благодаря глобализации сейчас бананы практически повсеместно выращиваются только двух сортов. И начавшаяся эпидемия грозит подорвать это глобальное производство. Выход ищут многие, но вот он, – тычок пальцем в изображение, – нашёл весьма оригинальный выход. Набор внедрённых генов уникален. Его трансгенные бананы будут совершенно устойчивы к данной заразе. А о том, что у поедателей тех бананов будут рождаться чахлые дети, в массе неспособные продолжать род, он не знает. Наука людей не в состоянии оценивать столь отдалённые последствия.

Я перевариваю информацию молча. Вот как... Вот оно. Одна из версий варианта «Каннибал» в приложении к аборигенам третьей планеты звезды по имени Солнце.

– По счастью, он всё держал в строгом секрете до последнего дня, боясь утечки. Но завтра он намерен идти к руководству, на самый верх.

– А психоблокаду если?.. – ляпаю я и осекаюсь. Думать надо вперёд, не говорить...

– Вот именно, – улавливает Аина. – Психоблокада хорошо защищает от случайной болтовни. Но когда дело касается жизненных целей... Надолго тебя удержала психоблокада, поставленная будущей тёщей?

Она берёт себя в руки, глаза становятся жёсткими.

– Значит, так... Инсульт с амнезией, исчезновение всех бумаг и записей в этом его архаическом калькуляторе... да, ноутбуке. Мне нужен напарник.

Все молчат.

– Я понимаю, что «опалённая злом» тут только одна, – в голосе Аины прорезывается сарказм, – но без напарника на Землю нельзя. Я это сделаю сама, не терзайтесь.

– Ну что ты крыльями так хлопаешь, – подаёт голос Уот. – Давай дождёмся Биана.

Аина резко оборачивается к нему.

– А самому слабо, маленький? БIAN сейчас занят, а время уходит, операцию нужно ещё подготовить. И вообще, не кажется ли тебе, что это элементарная трусость? Или как там вот у людей, – кивок в мою сторону, – «мы только исполняли приказ»?

– А что, если с ним просто поговорить? – внезапно ляпаю я. И откуда что берётся?

Аина поворачивает голову.

– Мне казалось, ты поумнел, Рома. Неужели никто не догадался, как полагаешь? Это пытался сделать ещё координатор миссии на Земле, через агента влияния. Он никого не будет слушать. Он справедливо считает, что это его звёздный час, и не отступит.

Мне стыдно, но мозг уже лихорадочно ищет зацепку в защиту высказанной идеи.

– А если не человек, а ангел?

Все замолкают.

– Просто сказать ему, что нельзя... – совсем беспомощно лепечу я. – Нельзя, и всё...

Глаза Аины вспыхивают.

– Так. Запрос на экстренную телепортацию на Землю. Рома, ты пойдёшь со мной, инициатива наказуема. Биану я сообщу. Уот, ты имеешь возражение?

– Ещё как имею возражение, – Уот смотрит исподлобья. – Ты забыла, что говорил шеф насчёт его видения? «Хранитель» пока не установлен.

Из Аины будто выпустили воздух.

– Да, ты прав. Признаю свою ошибку. Тогда мы с тобой?

Кровь бросилась мне в голову.

– А теперь послушайте меня, – я встаю, дрожа от напряжения. – Я такой же, как и вы, оперативный сотрудник. Меня не надо кутать, лелеять и холить. Аина, ты здесь за старшего, и если ты сейчас велишь мне остаться, я останусь. Но работать здесь больше не буду, так все и знайте. И пусть я даже сломаю себе этим жизнь, но я это сделаю. Я пойду с тобой, Аина. Это мой ультиматум.

Они все переглядываются, и Уот разводит руками.

– Уступаю грубому насилию, – в глазах Аины зажглись тёплые огоньки. – Мы идём с тобой вдвоём, Рома. Только не увольняйся.

«Ира, Ир...»

«Ау, любимый?»

«Я не приду сегодня домой. Срочное дело».

«На Землю, прямо сейчас?! Без подготовки?!»

Я чувствую, как её затапливает тревога.

«Ну это же не «зелёные», ну что ты... – пытаюсь я успокоить свою жену. – Один человек и один разговор, всего-то. И завтра я буду дома».

Я чувствую-ощущаю, как она вглядывается в мои невысказанные мысли.

«Ты что, мне не веришь?»

«С тебя станется, муж мой. Ради спокойствия любимой жены и так далее... Ладно, раз ты с Аиной, чуть легче».

Но я чувствую, что тревога не отпускает её.

«Ира, Ир... Послушай, что я скажу... Я вернусь оттуда обязательно. И Аина тоже. Это в последний раз. А в следующий у меня уже будет стоять «хранитель». И тебе не о чем будет беспокоиться».

Пауза.

«Нет, Рома. Я буду беспокоиться. Иначе, но буду. И так будет всегда».

В груди у меня становится тепло и щекотно.

«Я люблю тебя».

«И я тебя, Рома. Мы тебя ждём».

Пауза.

«Ну а теперь попробуй объяснить своё отсутствие нашей дочери. Я включаю видеосвязь?»

«Погоди, не надо... – меня осеняет ещё одна идея. – Я попробую обойтись».

Я явственно представляю личико нашей дочуры и начинаю звать:

«Мауна! Мауна! Мауна! Доча, отзовись!»

«Папа?» – улавливаю я неясный ответ, словно эхо в горах. – «Папа, папа, я тебя слышу! Папа, ты где?!»

Сработало! Совсем выросла наша дочь...

«Я на службе, доча. Вы уж ночуйте с мамой вдвоём, ага? Она тебя крылом укроет».

Меня окатывает волна сильнейшего детского огорчения.

«Папа. Ты возвращайся скорей. Мы все тебя ждём».

Ну как можно после такого обмануть ребёнка и не вернуться?

«Завтра, завтра я буду дома! Смотри, хорошенько корми нашу Нечаянную Радость. Я на тебя надеюсь».

– Тысяча извинений, Рома, – сзади неслышно возникает Аина. – Но нам пора.

Я оборачиваюсь и чуть не падаю от изумления. На моей напарнице надето ярко-розовое полупрозрачное платье с блёстками, с открытой спиной и пышной, очень коротенькой юбочкой – явно танцевальный костюм.

– На, надевай, – она бросает мне шорты, обрезанные из джинсов.

– Поясни, – перевожу я взгляд с Аины на шорты и обратно.

– Психология, Рома, – улыбается она. – Я проработала вопрос с местным координатором, пока ты улаживал семейные проблемы. Ты случайно довольно сильно похож на сына этого Алана. А я в этом костюме... короче, он последний раз видел в нём девочку, которую потом потерял.

Аина замолкает, и я улавливаю.

– Она умерла?

– Да.

– Это жестоко, Аина.

Глаза Аины наливаются огнём.

– Жизнь вообще порой довольно суровая штука, Рома. На одной чаше весов твои сопли, на другой миллиарды будущих калек среди аборигенов твоей же прародины. Строго говоря, инсульт с амнезией надёжнее. Хватит болтать, надевай и полетели! Нас уже ждут на Земле, и времени на подготовку операции осталось совсем немного!

Воздух шипит, вытекая сквозь нарезку лабиринтного уплотнения, и крышка телепорта мягко всплывает вверх.

– Здравствуйте, коллеги! – нас встречают двое ангелов, мужчина и женщина. – Можете звать меня Кьо, я здешний координатор. А это вот моя вторая половинка, Лоа.

– Аина, старший оперативный сотрудник, а это Ди, – представляется за нас двоих моя напарница, – пока просто оперсотрудник, зато биоморф, Великий Спящий и даже временами Всевидящий. Только на Ди он обычно не откликается, предпочитает сохранять аборигенное имя Рома.

– Знатное имя! – смеётся женщина, разглядывая меня, и я улавливаю: у привычных к англоязычности здешних миссионеров моё имя прочно ассоциируется с названием Вечного города. Я в свою очередь разглядываю здешний персонал. Кьо выше меня на полголовы, такому парню в ликвидаторы только...

– Ничего, я и координатором пока справляюсь, – смеётся Кьо. – А насчёт роста, это правда, не очень хорошо. Летаю, как здешние вымершие гигантские птицы аргентависы, блинчиком всё больше, и супругу мою могу догнать, только если она уж очень сильно этого желает... Кушать хотите?

– Вообще да, но времени нет, – Аина серьёзна, ни малейшего смеха. – Он может двинуть в университет прямо из аэропорта, не заезжая домой. Он надеется застать руководство до конца рабочего дня.

– Ну тогда будете есть и готовиться к выходу, – тоже серьёзнее координатор. – Работать с вами буду я сам, у меня один Фью на контроле сидит, все остальные в разгоне.

– Естественно, сам, – прищуривается Аина, – раз уж скинул нам это дело.

– Напрасно злишься, коллега, – я чувствую, Кьо не считает себя виноватым. – Я изложил бы тебе причины ещё подробнее, но сейчас действительно не время.

Мы один за другим шагаем в лифт, возносясь на поверхность из подземного зала. О-оп!

Я оглядываюсь. Решётчатые деревянные жалюзи, дощатые стены, ничем даже не обитые, тяжёлые портьеры зелёного бархата... Если бы не врезанные в хлипкие стены круглые люки зелёного металла, так прямо иллюстрация к «Унесённым ветром». Ещё разве дяди Тома не хватает...

«Ну куда бы мы без дяди Тома?» – смеётся Лоа, уловив мои мысли.

И, словно в ответ, из соседнего помещения через люк с трудом пролазит здоровенный негр, метра два ростом.

– Вообще-то за ниггера тут сразу притягивают к суду, мистер Рома, – басом ухает, смеётся местный дед Иваныч, улавливая мою мысль. – Тут говорят «афроамериканец». Честь имею представиться – Томас Оук, смотритель этой вот птицефермы.

Я поперхнулся, закашлялся. Да уж... Фамилиё подходящее у мистера Томаса...

– Вы здорово распустили своих ниггеров, милочка, – по-английски говорит Аина Лоа, смеясь одними глазами. – Вероятно, Томаса следует отправить в Нью-Орлеан, там за него дадут хорошую цену.

– Зачем так далеко, миссис? – скалит крупные белые зубы Томас. – За меня даже в Иммокали отвалят любую сумму, с запроса. Ибо Томас Оук бесценен!

Мы все хохочем. Разрядка перед трудной операцией – самое то...

– Однако к делу, – прерывает веселье координатор. – Том, гости у нас только до вечера...

– Я понял, Кьо. Всё будет сделано, – кивает Том.

– Ну, а нам сюда, – приглашает Кьо.

В посту контроля сидит один ангел, зато экранов светится аж четыре.

– Лоа, ты где? Я один не вытягиваю, – контролёр ситуации делает пассы пальцами в воздухе, оперируя виртуальной клавиатурой. Мыслеуправление вещь хорошая, конечно, но утомительная и довольно медленная порой. Реакция тела бывает быстрее.

– Иду, иду, – Лоа садится рядом, с ходу включаясь в работу.

А мы с Аиной смотрим на один большой экран, где совмещаются два сюжета.

На одном видна вытянутая полоса вдоль океана, отделённая от остальной суши узенькой полоской воды и застроенная зданиями, и по характерному подковообразному корпусу я узнаю University of Miami, где и трудится наш подопечный.

А на втором полуэкране движется такси, удаляясь от аэропорта. И движется отнюдь не в сторону Норт-Майами, где проживает несостоявшийся гений...

Да, несостоявшийся. Потому что мы не дадим ему состояться так, как он этого хочет.

– Так и знала! Прямо с самолёта на рабочее место, – Аина суёт мне три сырых куриных яйца. – Рома, подкрепись и вылетаем. Время, время! Там ещё по коридорам пешком пробираться...

– Не торопитесь, коллеги, кушайте спокойно, – улыбается наш гостеприимный хозяин. – Я доставлю вас телепортом, плавающий выход уже настроен на рабочий кабинет этого Алана Грина.

– Ого! – Аина толкает меня крылом. – Как там говорят на твоей прародине – американский размах!

Нет, что ни говорите, а плавающий выход телепорта – вещь впечатляющая. Сильнее впечатляет разве что плавающий вход.

Яркая вспышка, и вместо тесного пространства телепортационного «ореха» мы с Аиной, не размыкая объятий, вываливаемся прямо в помещение, довольно чувствительно садясь на попу – выход был настроен с заметным запасом по высоте.

«Ох... весь зад себе отбила... Спасибо, Кью, тонкая работа», – я улавливаю в бесплотном голосе изрядную иронию.

«Напрасно иронизируешь, коллега. Или мне надо было проделать в полу такую симпатичную чашеобразную выемку?»

Мы встаём, отряхиваемся. Я быстро оглядываю кабинет, глаз привычно цепляет детали – тонкий слой пыли скопился, значит, уборщица сюда не заглядывает... комп, настоящий сервер немалой мощности, плоский экран... а вот объёмный датчик сигнализации в углу, включающий камеру слежения...

«Камера, если придётся, будет показывать то, что ей передаст сервер базы, и датчик сейчас отключен Кью. – Аина выдвигает ящик стола, извлекает из него здоровенный пистолет, «кольт». – Вот скажи, Рома, отчего человеческие мужчины питают такую нездоровую страсть к оружию? Убивающему оружию, заметь, последствия применения которого исправить будет невозможно».

Я беспомощно повожу плечами.

«Ладно, это не по делу. – Аина вытаскивает обойму, передёргивает затвор, на лету ловит рукой патрон, таким неуловимо-кошачьим движением. – Не будем подвергать себя неоправданному риску».

Разряженный пистолет водворяется на место, обойма с вложенным патроном летит под шкаф. На большое окно с толстыми стёклами Аина прилепляет сложной формы загогулину, размером с ладонь, и загогулина тут же исчезает. Устройство защиты периметра снабжено собственной маскировкой, но, поскольку устройство невелико, увидеть еле заметные колебания изображения не так-то просто, для этого нужно всматриваться в упор. Зато теперь это окно невозможно не то что открыть, но даже выбить ногами или стулом, и пистолетная пуля лишь бессильно расплющится о стекло. Вторую штучку, ещё более ажурную и маленькую, похожую

на волан для бадминтона, Аина без затей швыряет в потолок прямо в центре комнаты – звукогасящее устройство. Реакцию людей вообще трудно предсказать, а уж реакцию на явление двух ангелов во плоти невозможно предсказать в принципе. Дикие крики могут сделать нам ненужную рекламу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.